

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2022.2.1

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Институт языкознания РАН
fagracy64@hotmail.com

СВЯЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК. ФОРМЫ 3-ГО Л. ГЛАГОЛА *БЫТЬ* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Модели развития нулевой связки в русском языке, датирующие ее возникновение XV–XVIII вв., недостоверны, поскольку опираются на усредненное представление о русской грамматике и неверно подобранные тексты. Нулевая связка существовала уже в древнерусский период, при этом в перфекте 3-го л. имело место не опущение связки, а именно нулевая связка, т. е. значимое отсутствие элемента, сигнализирующее значение 3-го л. Этот факт был верно интерпретирован А. А. Зализняком [1993; 2008] в перспективе грамматикализации связочных энклитик. Однако в его описании содержатся две неточности: 1) тезис о том, что к началу письменной фиксации русского языка ненулевые связки 3-го л. отсутствовали в живой речи во всех древнерусских диалектах, фальсифицируется материалом южнорусских памятников XII в.; 2) постулированная А. А. Зализняком для текстов гибридного жанра, сочетающих книжные и разговорные черты, тенденция к дополнительному распределению внешне выраженного подлежащего и ненулевой связки 3-го л. выдерживается только в части древненовгородских памятников XII в. Проведенное исследование пяти авторских текстов XII в. позволило уточнить данный фрагмент исторической грамматики, при этом была выявлена омонимичная стандартному древнерусскому перфекту конструкция с ударной связкой 3-го л. и *л*-причастием, выражающая экзистенциально-локативные и верификативные значения. Эта конструкция, для которой в статье предлагается термин 'Перфект II', была возможна только в 3-го л. при материально выраженной связке, при этом ударные и атонируемые связки 3-го л. имеют в исследованных памятниках разную дистрибуцию. Все соответствующие значения могут выражаться и в современном русском языке. Типологическое своеобразие древнерусского языка по сравнению с современным русским состоит в том, что в современном русском связочные употребления глагола *быть* противопоставлены так называемым полнозначным (= экзистенциально-локативным & верификативным), в то время как в древнерусском языке значения последнего типа могли

* Работа написана при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном Институте русского языка им. А. С. Пушкина. Я благодарю анонимных рецензентов, а также А. А. Пичхадзе и А. А. Гиппиуса, ознакомившихся со статьей и высказавших мне свои замечания. Я также благодарю слушателей конференций «Грамматические процессы в синхронии и диахронии» (Москва, ИРЯ РАН, 2022 г.) и «Диалог 2022» и персонально И. М. Кобозеву, Е. А. Мишину, О. В. Трефилову, М. Н. Шевелеву и И. С. Юрьеву за дискуссию. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

Русский язык в научном освещении. № 2. 2022. С. 9–84.

выражаться не только полнозначным глаголом *быти*, но и ударной связкой *быти* в конструкции Перфекта II.

Ключевые слова: древнерусский язык, клитики, связки, подлежащее, языки *pro-dor*, перфект, параметрическое варьирование.

0. Введение

В статье рассматриваются два параметра древнерусской грамматики — 1) наличие ненулевых связок¹ в 3-м л. настоящего времени индикатива глагола *быть* в конструкции перфекта [Зализняк 1993: 285; Циммерлинг 2021: 26–28] и 2) обратная зависимость между наличием ненулевой связки *быть* и реализацией внешне выраженного подлежащего [Зализняк 2008: 257–258], — и вводится в научное рассмотрение особая конструкция, омонимичная стандартному русскому перфекту 3-го л. Отличительными особенностями этой конструкции, которую предлагается назвать ‘Перфект II’, является наличие материально выраженных связок 3-го л. *есть*, *суть*, *еста*, передающих значения двух типов, — экзистенциально-локативные, ср. в современном русском: *Там есть высокое дерево*, либо верификативные, ср. в современном русском: *Он и есть наш начальник*², — а также синтаксикой связок, которые могут занимать неэнклитические позиции в клаузе, что, предположительно, связано с их ударностью и способностью к коммуникативному выделению.

¹ В славистике понятия ‘связки’ и ‘вспомогательного глагола’ традиционно разводятся, при этом служебный компонент перфекта обычно называется термином ‘вспомогательный глагол’, т. к. употребление клитик презенса индикатива глагола **byti* в перфектных клаузах обычно характеризуется более жесткими дистрибутивными ограничениями, чем употребление тех же форм в именном сказуемом [Franks, King 2000]. Мы вслед за [Зализняк 1993; 2008] используем термин ‘связка’ для обозначения употребления др.-рус. *быти* в обоих типах клауз. Сторонники расширительного употребления термина ‘связка’ есть и среди зарубежных славистов, ср. [Kolaković et al. 2022: 19].

² На материале современного русского языка разграничение экзистенциально-локативных и верификативных употреблений глагола *быть* в целом не представляет проблемы, ср. лексикографическое описание [Апресян 1996]. Для описания выделенных употреблений древнерусского глагола *быти* в конструкции перфекта анонимный рецензент предлагает рамочный термин ‘экспериментальный перфект’, указывающий на то, что событие *p* имело место безотносительно к уточнению локации, где находится наблюдатель (ср. [Майсак и др. 2016: 13, 25, 45, 79]). Такое употребление характерно для аспектологии, ср. классическую работу [Comrie 1976: 58]. Мы предпочли отставить термины ‘экзистенциально-локативный’ и ‘верификативный’, поскольку они отсылают к универсальным понятиям семантической типологии и коммуникативной структуры и применимы к разным типам предикатов (ср. [Адамец 1978: 101–103; Селиверстова 1982: 146–151; Арутюнова 1983; Янко 2001: 61–63; 2008: 23, 58, 155–163; Lohnstein 2012; 2018]).

1. Древнерусские тексты и лингвистические модели

Вопрос о наличии или отсутствии в памятниках домонгольского периода материально выраженных связок 3-го л. в конструкции древнерусского перфекта, которая строится по схеме формы презенса индикатива глагола *быти* + л-причастие [Борковский, Кузнецов 1963: 260]³, — частная проблема, связанная с общими проблемами типологии и теории грамматики двояким образом. Во-первых, регулярное опущение или отсутствие связки свидетельствует о неравномерной клитизации форм глагола «быть» в языке, где лично-числовое согласование выражается при помощи клитик. Во-вторых, за последние десятилетия были предложены точные описания порядка слов в древнерусском языке [Зализняк 1993; 2008] и выделены параметры структуры клаузы, устанавливающие место кластеризуемых клитик и упорядочение цепочек клитик, а также предсказывающие распределение линейных порядков с препозицией и постпозицией возвратного маркера *ся* глаголу и наличие/отсутствие внешне выраженного тематического подлежащего (*pro*) в зависимости от состава предложения и намерений говорящего [Браун 2008; Zimmerling 2009]. Эти параметры определены на открытом классе языков мира, включающем современные славянские языки с цепочками клитик [Franks, King 2000; Циммерлинг 2013; 2021], но степень соответствия им всей совокупности древнерусских памятников неясна.

Модель живой древнерусской речи как идиома, где связки 1–2-го л. перфекта (ср. *пришел есмь*, *пришел еси* и т. д.) были энклитиками второй позиции, подчинявшимися закону Ваккернагеля, в то время как связки перфекта 3-го л. отсутствовали, опирается на произведенное А. А. Зализняком в 1993 г. обобщение двух групп памятников — берестяных грамот, преимущественно представляющих северо-западные диалекты древнерусского языка, и прямой речи персонажей Киевской летописи XII в., представляющей южнорусский(-е) диалект(ы). Правила внутреннего упорядочения энклитик и распределение порядков с пре- и постпозицией возвратного маркера глаголу являются для этих групп памятников общими, что позволило А. А. Зализняку предложить убедительное доказательство подлинности «Слова о полку Игореве» как памятника конца XII в. [Зализняк 2007]. Однако именно в плане связок перфекта две данные группы памятников ведут себя неодинаково: в берестяных грамотах связок 3-го л. *есть*, *суть*, *еста* в конструкции перфекта практически нет, в то время как в речи персонажей Киевской летописи они встречаются регулярно. Это противо-

³ Термин ‘перфект’ используется в настоящей статье как название древнерусской и общеславянской перифрастической глагольной формы с указанным составом элементов, вне связи с выяснением видовременной специфики этой формы на фоне древнерусского аориста, имперфекта и плюсквамперфекта. Ср. иной подход в статье [Скачедубова 2018], где ставится вопрос о том, что употребления ‘л-форм’ в древнерусском языке в плане таксономии глагольных значений могут соответствовать не только перфекту, но и плюсквамперфекту.

речие А. А. Зализняк в книге 2008 г. объяснял тем, что добавление связок 3-го л. в форму перфекта в гибридных памятниках типа летописей является уступкой книжной традиции, поскольку нормы церковнославянского языка предписывали в этой позиции материально выраженную связку. Для ряда памятников он предложил специальное объяснение: связки 3-го л. могут составлять дополнительное распределение с внешне выраженным подлежащим перфектной клаузы, ср. *Х пришел* ‘Х пришел’ ~ *пришелъ есть* ‘то же’ [Зализняк 2008: 257]. Без специального исследования неясно, как взаимодействуют эти объяснения. Дополнительное распределение связки и материально выраженного подлежащего характерно для перфектных клауз 1–2-го л. и для предложений с именным сказуемым в 1–3-м л., ср. *виновать есмь, виновать еси, виновать есть* ~ *я ∅ виновать, ты ∅ виновать, попь ∅ виновать* [Там же: 236]. Однако вероятность реализации плеонастической модели *попь есть пришел* в перфекте 3-го л. в большинстве памятников выше, чем в клаузах с именным сказуемым, — *язь есмь виновать, попь есть виновать*. Даже при беглом взгляде очевидно, что во многих памятниках постулированное ограничение на совместную реализацию подлежащего и связочного показателя согласования не выдерживается. Кроме того, если верен сделанный А. А. Зализняком вывод о том, что в живом древнерусском языке связочные формы 3-го л. глагола *быти* не обладали полнотой свойств клитик [Зализняк 1993: 285; 2008: 236], возникает вопрос, распространяется ли постулированный им принцип дополнительного распределения подлежащих и связок на все показатели личностно-числового согласования, выраженные связочными и вспомогательными элементами, или же только на те из них, которые обладают полнотой свойств клитик. Если верно второе, большая регулярность постулированного распределения в перфектных клаузах 1–2-го л. получает естественное объяснение, поскольку связки 1–2-го л. были в древнерусском языке стандартными энклитиками второй позиции. Для верификации этой гипотезы, однако, требуется проверять более широкий круг связок, нежели формы презенса индикатива глагола *быти*.

Перечисленные обстоятельства показывают, что решение вопроса о наличии в авторских древнерусских текстах XII в. перфектных связок 3-го л. важно не только для определения места этих памятников на шкале *живая речь* > *гибридные памятники* > *церковнославянская традиция*, но и для всего описания древнерусской грамматики. Если распределение вариантов со связкой 3-го л. и без связки в перфекте — не исключительно регистровая (живая речь vs. книжная традиция) или не только регистровая, но и лингвогеографическая (диалектная) характеристика⁴, представление об ин-

⁴ А. А. Зализняк в книге 2008 г. кратко упоминает подобную альтернативу для оценки расхождений в употреблении клитик 1–2-го л. в Киевской летописи сравнительно с новгородскими берестяными грамотами, но находит ее маловероятной: «...лишний раз подтверждается, что Киев-Д — это все же не прямая запись реальных грамот. (Предположение о том, что в этом пункте было некоторое диалектное

вариантных чертах древнерусской грамматики и том, что составляет предмет параметрического варьирования, должно быть уточнено.

2. Перфектные клаузы 3-го л. в древнерусских эпиграфических памятниках

2.1. Берестяные грамоты

Главной чертой берестяных грамот на фоне других групп древнерусских текстов в плане употребления форм прошедшего времени является почти полное отсутствие форм старых прошедших времен — аориста и имперфекта. Конструкция перфекта с *л*-причастием (с точки зрения аспектологии — ‘нарратив’) в массиве берестяных грамот — единственная статистически значимая форма прошедшего времени. Второе издание книги «Древненовгородский диалект», учитывающая около 1000 надписей, известных к 2004 г. [Зализняк 2004: 142], упоминает всего два надежных примера аориста в надписях домонгольского периода: *розгнѣваса* ‘ты разгневался’ (Б.гр. № 605, 1100–1120 гг.) и *се послаховѣ лоукънѣ ѿ нас на ѿ* ‘мы двое послали 16 луконов’ (Б.гр. № 842, 1120–1160 гг.) [Там же: 142]⁵. Примеров имперфекта из грамот того же периода — пять, причем они связаны с тремя грамотами [Там же] — той же Б.гр. № 605 (*оже ми лихо мѣвлалше* ‘что ты обо мне отзывался плохо’, № 487 (1140–1160 гг.), где представлены формы *[вѣ]лалше* (<вѣлалше) ‘ты велел(а)’, *а ты чьрьсо силу дѣлалше* (<дѣлалше), букв. ‘а ты делала через силу’ и *а возывахо та* ‘а я вызывал тебя’) и Б.гр. № 831, где представлено *а и горьзно ми [бѣ]шь тоу...* ‘А уж очень мне было изрядно туго (?) тогда’.

В домонгольский период имеется четыре берестяные грамоты с шестью формами аориста и/или имперфекта, учтенных в [Там же]⁶. В наиболее

различие между Киевом и Новгородом, представляется маловероятным.)» [Зализняк 2008: 247]. Для связок 3-го л. такая альтернатива им не рассматривается, несколько раз повторяется тезис о том, что в «живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще» [Там же: 256], ср.: «в 3-м лице перфекта связки отсутствовали уже в древнерусском» [Там же: 262], а сохранение связки называется «книжным принципом» [Там же: 258].

⁵ В поздних берестяных грамотах делового характера аорист в основном встречается в составе клише из юридических формул. Исключениями являются две грамоты 1240–1260 гг., где писцы используют формы аориста 1-го л. ед. ч.: *дахо* (<= дахъ) *сорати* ‘я дал распахать’ (Б.гр. № 211) и *приказахо* (<= приказахъ) ‘я приказал’ (Б.гр. № 220). В грамоте № 211 встречаются также две формы перфекта: *вдало есомо* ‘я вдал’ и *соцклося* ‘насчиталось’.

⁶ Анонимный рецензент обратил наше внимание на наличие имперфекта *...[грив]но, а самому творѣ[x]уо [в]о нѣдѣл[у]о* в недавно обнаруженной грамоте № 1108 (ок. 1160–1180 гг.), относящейся к блоку грамот, написанных профессиональным писцом Якимом. В этой грамоте Яким употребляет и форму перфекта 3-го л. *сокриль* (без связки).

длинных из них — № 605, 831 — писцы параллельно используют формы перфекта: *кри-(лъ есмь)*, *[ч]устило есмь*, *даллъ дары, а съ еси поллъ оу мьне, съмь та благословило* (№ 831), *мене игоумене не поустиле, а а прашалъса, нъ посълалъ съ асафъмь, а пришьла есвъ, оли звонили* (№ 605). В этих двух новгородских грамотах первой половины XII в. переключение временных форм от аориста/имперфекта к перфекту аналогично тому, что наблюдается в книжных памятниках и некоторых пергаменных грамотах той же эпохи. Все прочие берестяные грамоты, как и древнерусские граффити XI–XIII вв., используют только одну форму прошедшего времени, в подавляющем большинстве случаев — перфекта. Из открытых за последние десятилетия берестяных грамот домонгольского периода вероятная форма аориста 2-го л. ед. ч. *соули* ‘ты посулил’ была обнаружена в клишированной формуле, завершающей новгородскую грамоту № 1031 (ок. 1160–1180 гг.): *а н[ро]мъшлеи то ли твоа бологодѣть мнѣ [ц]ѣто ми соули* ‘Подумай сам, в том ли состоит то благодеяние, которое ты посулил мне’ [Янин и др. 2015: 131]. Еще одна форма аориста глагола *быти* в новгородской берестяной грамоте № 954 (ок. 1120–1140 гг.) является попыткой отправителей письма придать ему официальный характер, при том что уровень их грамотности был недостаточен для устранения диалектизмов [Там же: 51–54]. В том же предложении отправители грамоты № 954 использовали и перфект, ср. *еси сътвориль* ‘ты так сделал’:

- (1) *Со оного по^тоу грамата · Про кѣни же та бы^с AOR.3SG оже еси AUX.2SG тако сътвориль^р PART.3SG.M* (Б.гр. № 954, ок. 1120–1140 гг.)
 ‘С другого берега (Новгорода) грамота. А была она про лошадей, что с ними ты делал так же’.

Перфектные клаузы из идиома новгородца Ефрема, автора грамоты № 605, могут служить иллюстрацией тезиса А. А. Зализняка о разной комбинаторике связочных клитик 1–2-го л. и 3-го л. В 3-м л. связок нет, см. (2а–б), а в 1–2-м л. есть, ср. *а пришьла^{DU} есвъ^{2DU}* ‘а пришли мы двое’ в (3). Дополнительное условие, налагаемое на дистрибуцию связочных клитик, показывает пример (4): Ефрем при внешне выраженном подлежащем *я* опустил связку *есмь*.

- (2) а. мене игоумене не \emptyset^{3P} *поустиле^{SG.M}*
 ‘Меня не отпустил игумен’;
 б. нъ \emptyset^{3P} *посълалъ^{SG.M} съ асафъмь къ посадникоу медоу дѣла.*
 ‘но (он) послал (меня) с Асафом к посаднику за медом’;
- (3) а *пришьла^{DU} есвъ^{2DU}*, оли \emptyset^{3P} *звонили^{PL}*
 ‘а пришли мы с ним вдвоем (обратно), уже когда звонили’;
- (4) а A_{1SG} *прашалъ<sup>1SG} = \text{c}_{\text{AREFL.ACC}}
 ‘А я отпрашивался (у игумена)’.</sup>*

2.2. Древнерусские надписи и пергаменные грамоты

Мнение о том, что в древнерусской конструкции перфекта связка 3-го л. в памятниках, близких к живой речи, опускалась, является традиционным, ср. [Борковский, Кузнецов 1963; Хабургаев 1978; Зализняк 1993: 285; Шевелева 2002: 59]. В подтверждение этого тезиса В. И. Борковский ссылается на Тмутараканскую надпись 1068 г., где связка 3-го л. отсутствует в перфекте: *гльбъ князь Ѡмбриль мо(ре) по ледѣ* [Борковский 1963: 283]. Нет связки 3-го л. в конструкции перфекта и в берестяных и пергаменных грамотах XII в., включая завещание Варлаама Хутынского (ок. 1192 г.), где соответствующий контекст встречается 4 раза, ср. (5а), и берестяные грамоты XII в., см. (5б–с):

- (5) а. Се \emptyset^{3P} *въдале*_{SG.M} **Варламе**_{NOM.SG.M} *свѣтмоу спѣсоу* землю и огородъ и ловища рыбъная и гоголина[а] и пожни (Варл. I, ок. 1192 г.)
 ‘Вот Варлам *вдал*⁷ Святому Спасу землю и огород, и рыбные ловища, и утиные, и пожни’;
- б. то ти не \emptyset^{3P} *въдало*_{SG.M} (= *въдалъ*) **наимить**_{NOM.SG.M} *іже то* = *ма*_{ISG.ACC} \emptyset^{3P} *везель*_{SG.M} на кожахъ вевѣрице (Б.гр. 1004, ок. 1140–1160 гг.)
 ‘Вот не *отдал* работник, который меня *вез*, денег за кожи’;
- с. а **Борись**_{NOM.SG.M} \emptyset^{3P} *заплатиль*_{SG.M} сороко гривно и :дѣ: гривнъ и пло шьсть куонь (Там же)
 ‘А Борис *заплатил* 44 гривны и 5,5 кун’.

⁷ Теоретически *Се въдале Варламе* может быть формой 1-го л. ед. ч. с опущенной связкой *есмь* = ‘Я, Варлам, выделил’, но такое прочтение менее вероятно. Во-первых, в последней части вкладной грамоты, где диалектное *вдале* сменяется наддиалектным *вдалъ*, группа подлежащего развернута: *Се же все Ѡдалъ варльмъ михалевъ сынъ стмѣоу спѣсоу*. Во-вторых, нормой для древненовгородских вкладных грамот было наличие связки 1-го л. в аналогичных формулах, ср. грамоту основателя Хутынского монастыря Антония Римлянина (не позднее 1147 г.): *Купиль есми землю пречистые в домъ у Смехна да у Прохна у Ивановыхъ дѣтеи у посадничихъ* (ГВНП 1949, № 102). В 3-м л. перфекта Антоний два раза употребляет л-причастие без связки: *а Донецъ Ѡвпалъ въ Деревяницу, а Деревяница Ѡвпала въ Волховъ* [Там же]. Ср. также вкладную грамоту князя Всеволода Юрьеву монастырю, где при личном местоимении 1-го л. в сочетании с именем князя ‘Я, князь NN’ стоит связка 1-го л.: *Се азъ князь великий Всеволодъ далъ есми святому Георгию релъ отъ Волхова по кръсть, по ручью въ Мячино* (ГВНП 1949, № 72, 1125–1137 гг.). Аналогичным образом оформлено дарение Всеволода в так называемой Мстиславовой грамоте, где основным дарителем выступает его отец, великий князь Мстислав: *А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно въ [30] гривнъ серебра святому же Георгиеви* (ГВНП 1949, № 80, 1128–1132 гг.). Хотя грамоты Антония Римлянина и грамота Всеволода ГВНП 1949, № 72 дошли до нас в поздних списках, отражением чего является новая форма связки 1-го л. ед. ч. *есми*, синтаксис связок в этих грамотах в целом вызывает доверие.

Не обнаруживаются связи 3-го л. в конструкции перфекта и в базе «Древнерусская эпиграфика»⁸, в настоящее время включающей 466 надписей. В некоторых надписях и пергаменных грамотах XI–XIII вв. вместо перфекта встречаются формы аориста и имперфекта, по-видимому, являющиеся результатом пересчета бытовых форм перфекта. Но в том случае, когда писцы надписей и дипломов XI–XIII вв. прибегают к перфекту, они не используют в 3-м л. связи *есть*, *суть* и *еста*. Гипотезу о пересчете бытовых форм перфекта в надписях с аористом можно доказать при грубой ошибке писца. Один из казусов был описан С. М. Михеевым в надписи Домашки Мыслятинича (Граффити Новгородской Софии, № 204, XII в.). Его надпись *моноого ти съгрѣшихъ* буквально читается ⟨многого ти *съгрѣшихъ⟩ ‘я действительно много согрешил’, но форма аориста *съгрѣшихъ-е с именным диалектным окончанием м. р. ед. ч. -е невозможна. Домашка был носителем новгородского диалекта и передал сокращение ‘X написал’ в виде *ѡлѣ*, т. е. ⟨псал-е⟩. Уместно предположить, что он не справился с заменой обычной для него формы л-причастия *съгрѣшил-е* на аорист и снабдил последний перфектным окончанием ед. ч. м. р. [Михеев 2018: 179].

Тем самым ситуация в граффити почти аналогична той, которую демонстрируют некоторые книжные памятники XII–XV вв., а также Ефрем, автор берестяной грамоты № 605. Авторы и писцы могут ориентироваться на формы аориста и имперфекта, но там, где они используют перфект, связь 3-го л. нет. Главное различие в том, что древнерусские граффити обычно используют лишь один тип прошедшего времени — либо только книжные формы (аорист и имперфект), либо только бытовые (перфект), поэтому выяснить статистику употребления форм прошедшего времени можно исключительно по массиву данных, включающему эпиграфические тексты разных авторов. Между тем объем книжных памятников обычно достаточен для того, чтобы выяснить профиль автора в плане употребления перфекта. К этой задаче мы переходим ниже.

3. Древнерусские авторские тексты и извлечение лингвистических данных

3.1. Памятники основной группы

Материалом для проверки служат авторские тексты пяти писателей XII в. — «Хождение Даниила игумена» (ок. 1104–1106)⁹, «Поучение» Вла-

⁸ См. <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/list>.

⁹ По тексту первой редакции «Хождения», список РНБ, Q.XVII. 88, 1495 г., л. 1–48. Вставки пропущенных в этом списке отрывков — по списку РГБ, Рум., № 335, XV–XVI вв. Текст цитируется в упрощенной орфографии по изданию Электронной библиотеки Пушкинского Дома <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934>. О текстологии памятника см. [Федорова 2014; Пичхадзе 2023].

димира Мономаха (ок. 1097–1117)¹⁰, «Вопрошание Кирикова» (ок. 1132–1156)¹¹, основная часть которого записана Кириком Новгородцем, а продолжение — Саввой и Ильей¹², «Поучение Иоанна, епископа новгородского» Ильи-Иоанна (1166)¹³, автор которого, возможно, то же лицо, что и автор последней части «Вопрошания», и «Хождение» Антония, он же Добрыня Ядрейкович (ок. 1200)¹⁴. Кирик, Савва, Илья и Антоний были носителями древненовгородского диалекта, Даниил — черниговского, а идиом Мономаха может быть условно назван переяславским диалектом.

3.2. Памятники контрольной группы

В качестве контрольной группы текстов были взяты два фрагмента Новгородской первой летописи старшего извода (далее — 1НПЛ): отрезок под 1132–1156 гг., соответствующий пребыванию на новгородской кафедре архиепископа Нифонта, беседы с которым составляют содержание «Вопрошания Кирикова», и «Повесть о взятии Царьграда» (1204), рассказывающую о событиях, случившихся в Царьграде непосредственно после паломничества Антония. Кроме того, были взяты три позднейших текста, относящихся к жанру «хожений», — «Хождение в Царьград» Стефана Новгородца (ок. 1347–1349), «Хождение на Флорентийский собор» (1438–1439) и «Заметка о Риме» (1438), записанные суздальцем из свиты суздальского архиепископа Авраамия, а также «Послание о рае» новгородского архиепископа Василия Калики (1347). В контрольных фрагментах 1НПЛ есть два примера с ненулевыми связками 3-го л. в перфектных клаузах, в то время как в памятниках XIV–XV вв. из контрольной группы их нет вообще, при 93 примерах с нулевой связкой в 3-м л. Дополнительно были проверены две редакции «Русской Правды», памятника, предположительно,

¹⁰ Сохранилось в составе Лаврентьевской летописи, куда включено под 1096 г, несмотря на то, что в тексте упоминаются и более поздние события.

¹¹ В. В. Мильков и Р. А. Симонов в качестве верхней границы датировки «Вопрошания» указывают не 1156 г., т. е. год смерти новгородского архиепископа Нифонта, ответы которого составляют основное содержание памятника, а 1158 г., т. к. в основном разделе, написанным самим Кириком, присутствуют вопросы, заданные Кириком преемнику архиепископа Нифонта, игумену Аркадию [Мильков, Симонов 2011: 78]. Аркадий был избран архиепископом в 1156 г., но поставлен только в 1158 г., при этом Кирик (К45), как и автор последнего раздела, Илья (И25), еще называют Аркадия «игуменом».

¹² За основу был взят текст «Вопрошания» по Новгородской Кормчей, где части Кирика, Саввы и Ильи записаны отдельно. Дополнительно проверялся текст особой редакции «Вопрошания» по изданию [Мильков, Симонов 2011].

¹³ Основной текст: Сборник слов, полемических произведений и апокрифов. РГБ. Ф. 236, № 147. XV в. Восполнение лакуны после л. 176 об.: Измарагд. РГБ. Ф. 304.I, № 204. XVI в.

¹⁴ По изданию [Лопарев 1899].

имеющего устные корни и восходящего к XI — началу XII в. [Юшков 1935; Щапов 1978]. Краткая редакция по Академическому списку XV в. считается новгородским памятником, между тем как Пространная редакция, древнейшим списком которой является Синодальный (1282), имеет новгородские корни, но включалась новгородскими писцами в компиляции типа Кормчих [Гиппиус 1996]. Ни в Краткой, ни в Пространной редакциях по Синодальному списку ненулевых связок 3-го л. в перфекте нет, а нулевая связка в перфекте (= Перфекте I) встречается 26 раз, из них 3 раза — в Краткой редакции.

3.3. Авторы текстов

Имеются лингвистические причины принять гипотезу о том, что сопоставляемые пять текстов основной группы являются плодом индивидуального творчества пяти древнерусских авторов XII в., а не компиляциями позднейшего времени, приписанными этим лицам. Наиболее дискуссионна ситуация с текстами Владимира Мономаха, которые дошли до нас в составе Лаврентьевской летописи. Высказывались разные точки зрения о том, насколько их объединение («Поучение» в широком смысле) органично и кто мог быть автором разных фрагментов, приписанных Мономаху. Мы принимаем точку зрения А. А. Гиппиуса [2003; 2004; 2006], согласно которой все четыре фрагмента — собственно «Поучение» (в узком смысле), «Биография», «Письмо Олегу» и «Великопостная Молитва» — могли быть объединены еще при жизни Владимира Мономаха (1053–1125) по его указанию. Однако мы исключили из рассмотрения последнюю часть мономаховского массива — «Молитву», как из-за наличия разных слоев и вставок в этом тексте, комбинирующем фрагменты тропарей и кондаков [Шляков 1900; Гиппиус 2006: 190–191], так и ввиду того, что в этой части нет перфекта.

Прочие памятники были обработаны целиком, подсчет примеров «Вопрошания Кирикова» для его основной части, составленной Кириком Новгородцем (ум. не ранее 1156 г.), и для добавлений, сделанных Саввой (= «Савин») и Ильей (= «Ильино»), велся отдельно. С высокой вероятностью включенные в Новгородскую Кормчую 1282 г. «Вопрошание Кириково» и «Устав блаженного Нифонта», упоминаемый 13 марта 1166 г. новгородским архиепископом Ильей-Иоанном (ум. 1186 г.), — один и тот же текст [Гиппиус 1996], а сам Илья-Иоанн может быть отождествлен с тем человеком, который ранее записал последнюю часть «Вопрошания» — раздел «Ильино». Эти два допущения при обработке материала не использовались. Для контроля мы проверили по изданию [Мильков, Симонов 2011] релевантные фрагменты «Вопрошания Кирикова», сохранившиеся в составе независимой редакции этого памятника. «Поучение Ильи-Иоанна», как и «Вопрошание Кириково», — памятники древненовгородского диалекта XII в., причем некоторые фонетические, морфологические и лексические диалектизмы не были вытравлены переписчиками XIII–XV вв. по небре-

жению или потому, что они не поняли отдельные места оригинала [Гиппиус 1996: 51–53, 56–59].

Два памятника относятся к жанру «хож(д)ений», т. е. описаний паломничества. Текст «Хожения Даниила игумена» был рассмотрен нами по так называемой первой редакции. В НКРЯ использована более поздняя редакция памятника. «Хожение» новгородца Антония описывает Константинополь незадолго до его взятия крестоносцами во время Четвертого крестового похода. Памятник рассмотрен нами по изданию Х. М. Лопарева [1899], использованному в НКРЯ. Дополнительно по изданию [Jouravel 2019] сверен древнейший список «Хожения Антония», так называемый Список Яцимирского (РГБ, Муз. 10261) [Яцимирский 1899]¹⁵. Архиепископ Антоний, он же Добрыня Ядрейкович (ум. 1232 г.), был известным в Новгороде человеком, сведения о нем содержатся не только в записанном им тексте, но и в летописных и эпиграфических источниках [Гиппиус 2009; Гиппиус, Седов 2016: 203; Королев 2019]. Основным источником сведений о Данииле является то, что он сообщает сам: из сравнения Иордана с р. Снов¹⁶ следует, что он жил в Черниговской области. К тому же жанру «хожений» относятся три памятника контрольной группы — «Хожение» новгородца Стефана в Царьград, а также «Хождение на Флорентийский собор» и «Заметка о Риме», составленные анонимным суздальцем из свиты архиепископа Авраамия, ехавшим на Флорентийский собор в 1438 г. из Руси вместе с Авраамием и митрополитом Исидором в Италию окольным путем через Прибалтику и Германию, а возвращавшимся в 1439 г. через Балканы и Великое княжество Литовское. «Послание о рае» современника Стефана, новгородского архиепископа Василия, он же Григорий Калика, по жанру сопоставимо с «Поучением Ильи-Иоанна»: это беседа-наставление, правда, непосредственно адресованное одному лицу (Феодору Доброму), а не новгородскому духовенству в целом, как в случае с текстом Ильи-Иоанна.

3.4. Соотношение форм перфекта и аориста/имперфекта

Для оценки текстов были использованы две меры: 1) общее число клауз, включая именные и нефинитные, и 2) соотношение форм 1–3-го л. индикатива перфекта и простых форм прошедшего времени (аориста и имперфекта), доля перфекта отсчитывалась от общего числа предложений с формами прошедшего времени, не считая плюсквамперфекта¹⁷. Текст Мо-

¹⁵ О других списках «Хожения Антония» ср. [Белоброва 1974; Jouravel 2021].

¹⁶ Ныне — Снов, правый приток Десны.

¹⁷ Конструкция книжного плюсквамперфекта, служебным компонентом которой являются формы имперфекта или аориста, при подсчете не учитывалась. При подсчете не учитывались также спорадически встречающиеся формы так называемого русского плюсквамперфекта, т. е. конструкции типа *послалъ есмь быль и буду + л-причастие* (*послалъ буду, послалъ будеть*).

номаха¹⁸ более чем в три раза короче текста Даниила (801 клауза против 2685), но доля перфекта в обоих южнорусских памятниках почти одинакова: k_{Perf} для Мономаха = 20,27% , для Даниила = 20,35%. В новгородских памятниках XII в. k_{Perf} сильно варьирует в зависимости от структуры текста: от 13,2% в принадлежащей Кирику части «Вопрошания» до 67,4% в «Поучении Ильи-Иоанна». Большое число аористов и имперфектов в тексте «Вопрошания Кирикова» объясняется тем, что 153 статьи этого памятника строятся по схеме «Вопрос vs. ответ иерарха», с парентетическими формами глаголов речи *рекохъ* ‘Я сказал, спросил’ и *рече* ‘Он сказал, ответил’ [Гиппиус 1996: 55]. «Поучение Ильи-Иоанна» и «Хождение» Антония не имеют такой рамки, отсюда высокий k_{Perf} : 67,4% в проповеди Ильи-Иоанна и 56,9% в описании Царьграда у Антония.

Результаты исследования показали, что ненулевая связка перфекта 3-го л. встречается у Даниила, Мономаха, Кирика, Ильи-Иоанна и Антония. В тех частях «Вопрошания Кирикова», которые записаны Саввой и Ильей, ее нет. Вообще нет ненулевой связки 3-го л. в конструкции перфекта и в контрольной группе текстов XIV–XV вв. Их авторы — как новгородцы (Стефан, Василий Калика), так и неновгородцы (суздальский аноним XV в.) — используют в 3-м л. перфекта исключительно нулевую связку, независимо от того, как часто они прибегают к формам аориста и имперфекта и насколько высок k_{Perf} . Так, например, в тексте Стефана $k_{\text{Perf}} = 4,4\%$, т. е. его текст в основном строится с помощью форм аориста и имперфекта, но там, где Стефан употребляет перфект, он не использует ненулевые связки *есть* и *суть*. То же самое относится к Василию Калике, у которого k_{Perf} в пять раз выше (22,6%). В то же время ненулевая связка 3-го л., наряду с нулевой, обнаруживается в обоих контрольных фрагментах 1НПЛ, относящихся к 1132–1156 и 1204 гг. Тем самым есть основания признать употребление ненулевых связок перфекта 3-го л. чертой древнерусского языка XII в. Сводные данные приведены в Таблице 1.

Строка «ненулевая связка» в Таблице 1 требует нескольких комментариев. Во-первых, при отборе перфектных клауз с ненулевой связкой не учитывались прямые цитаты из Библии: ср. цитируемое Антонием *ядъи мої хльѣ*^(б) *везвеличи(л) еѣ* на мя леѣ) Ин. 13, 18 (см. Пс. 40, 10) и цитируемое Ильей-Иоанном *Рекоуще се азъ и дѣти, яже ми естъ даль бѣъ* (Ин. 17, 24)¹⁹. Во-вторых, в Таблице 1 не учтены 50 примеров конструкции с л-причастием и ударными связками 3-го л., которые надежно диагностируются в тексте Даниила. Эта конструкция, которая при постановке ударных связок внутри клаузы омонимична стандартному древнерусскому перфекту 3-го л., разбирается в следующих разделах. За ней далее резервируется термин

¹⁸ Без завершающей его Великопостной молитвы.

¹⁹ Характерно, что вне цитат Ильи-Иоанн при том же подлежащем *Богъ* использует при глаголе *вѣдати* нулевую связку: *Тѣгда ми Ѡ^{3р} вдалъ Богъ егоже ни в ї пировъ не обыти* ‘тогда Бог дал мне то, что нельзя получить и на десятке пиров’.

Таблица 1

**Нулевая и ненулевые связки 3-го л. в текстах пяти древнерусских
авторов XII в. и в контрольных текстах XIV–XV вв.**

	Даниил	Мономах	Кирик Корм	Кирик Особ	Савва & Илья _{Корм}	Савва & Илья _{Особ}	Илья- Иоанн	Антоний	Стефан	Василий Калика	Флор	Рим
Дата	ок. 1104– 1106	ок. 1097– 1117	ок. 1132–1156				1166	ок. 1200	1347– 1349	1347	1438– 1439	1438
Соотношение индикатива перфекта и форм аориста/ имперфекта	148/579	45/177	24/158	20/155	15/71	13/64	29/14	90/68 ²⁰	6/131	19/84	58/161	10/4
k _{Perf}	20,35%	20,27%	13,2%	11,4%	17,44%	16,9%	67,4%	56,9%	4,4%	22,6%	26,5%	71,4%
Диалект	Черни- говский	Переяс- лавский	Новгородский								Суздальский	
Ненулевая связка	18	3	5	3	0	0	2	2 4	0	0	0	0
Нулевая связка ²¹	72 (60)	17 (10)	12 (8)	9 (6)	13	11	13 (4)	80 (50)	6 (4)	15 (8)	45 (19)	7 (4)
%	22,5%	15%	41,4%	25%	0%	0%	13,33%	2,4%	0%	0%	0%	0

²⁰ По изданию [Лопарев 1899]. В Списке Яцимирского 99/64, k_{Perf} = 60,7%.

²¹ В скобках указаны перфектные клаузы с внешне выраженным подлежащим в 3-м л.

‘Перфект II’, в то время как стандартный перфект называется термином ‘Перфект I’. Характеристиками Перфекта II являются: 1) ударность связки; 2) невозможность замены ненулевой связки 3-го л. на нулевую; 3) возможность постановки связки в неэнклитическую позицию, в том числе в начало клаузы и после начальной проклитики, ср. *И есть был град Тивуриада великъ велми* (Даниил, LXXXII); 4) особые предикатные значения — экзистенциально-локативное и верификативное²², — вносимые ненулевой связкой.

У Антония не был зачтен пример со связкой *есть* в неэнклитической позиции, он трактуется как Перфект II. Прочие 9 примеров новгородских авторов XII в. с ненулевой связкой 3-го л. внутри клаузы могут интерпретироваться и как Перфект I, и как Перфект II. Мы предпочли оставить их в Таблице 1. Напротив, 18 примеров из текста Даниила и 3 примера из текста Мономаха, учтенных в строке «ненулевая связка 3-го л.», можно интерпретировать только как Перфект I. В литературе встречается утверждение о том, что в «Поучении» Мономаха перфект всегда употребляется в 3-го л. без связки [Шевелева 2015: 564; 2019: 365], поэтому позволим себе привести все три примера, где Мономах использует ненулевую связку 3-го л. в перфекте. Пример (6) со связкой 3-го л. ед. ч. *есть* относится к нецитатной части раздела «Молитва», примеры (7) и (8) со связками 3-го л. мн. ч. *суть* и 3-го л. дв. ч. *еста* взяты из раздела «Письмо к Олегу»:

- (6) Яко отецъ, чадо свое любя, бья, и паки привлечь $=e_{3ACC.SG.N}$ к собѣ, тако же и **Господь**_{NOM.SG.M} **нашь** показал_{3SG.M} $=ны$ _{1DAT.PL} $=**есть**$ _{3SG} на врагы побѣду (Мономах, Лавр. л. 79 об.);
- (7) **Лѣпше** $=**суть**$ _{3PL} измерли_{3PL} **и роди наши** (Там же, л. 84);
- (8) Зри, брате, **отца**_{NOM.DU} **наю**_{1DU.GEN}: что взяста, или чим има поротѣ (=порты)? но токмо оже $=**еста**$ _{3DU} створила_{3DU} дшїи своей (Там же).

В двух примерах из трех, где Мономах использовал ненулевую связку перфекта 3-го л., в той же клаузе есть внешне выраженное подлежащее —

²² Отметим существенное отличие между анализом в терминах верификации/фальсификации фактов [Адамец 1978: 101; Янко 2001: 61; Lohnstein 2012] и анализом так называемых экспериенциальных значений, отражающих субъективный опыт говорящего и влияющих на выбор глагольной формы [Comrie 1976: 58; Сичинава 2013: 31; Майсак и др. 2016: 13], связанное с различием статусов факта и события. *Факты* — логические истины, они не являются наблюдаемыми. Напротив, *события* — онтологические сущности, которые включены в поток происходящего в реальном пространстве и времени, могут быть пережиты изнутри и наблюдаемы извне [Арутюнова 1988: 168–170]. Верификативными контекстами можно признать только те, где восстанавливается логическое рассуждение, но не те, где имеется ссылка к опыту говорящего. Попытка проследить различие фактов и событий на примере двух вариантов книжного плюсквамперфекта в древнерусском языке предпринята в [Урманчиева 2020: 184–188].

ИГ *Господь нашъ* в (6), разрывная адъективная группа *лѣпше... и роди наши* ‘лучшие из наших родичей’ в (7). В примере (8) подлежащий контролер согласования связки 3-го л. дв. ч. *еста* — ИГ *отца наю* ‘наши с тобой отцы’ — обнаруживается в предыдущем контексте, но в самой перфектной клаузе, выражающей значение ‘только то, что эти двое сделали для своей души’, его нет.

3.5. Перфект 3-го л. и древнерусские диалекты

Результаты исследования показали, что модельное представление о том, что синтаксис перфекта в живой древнерусской речи был одинаков для всех диалектов, а ненулевых связок перфекта 3-го л. не было ни в одном диалекте — первая гипотеза А. А. Зализняка [2008: 37, 236], — требует пересмотра. В текстах южнорусских авторов начала XII в. (Даниил и Мономах) имеется не менее 20 примеров перфекта, где стоящие внутри клаузы связки *есть*, *суть* не передают ни экзистенциально-локативных, ни верификативных значений, а их употребление не может быть удовлетворительно объяснено установкой на стилизацию речи. Иная ситуация в текстах новгородцев XII в. — Кирика, Ильи-Иоанна и Антония, т. к. в 9 из 11 контекстов, где они употребляют в перфекте связку *есть*, реализуется верификативно-фальсификативное значение, ср. характерный пример:

- (9) Лжють, рече — **не молвилъ**_{SG.M} **есть**_{3SG} **того** никоторыи же еписѣпъ («Вопрошание Кириково», К87²³)
 ‘Это *ложь*, — сказал (Нифонт), — **да не говорил такого** ни один епископ’.

²³ Всего в «Вопрошании Кириковом» в Редакции Кормчей 1282 г. пять примеров с ненулевой связкой *есть* в перфекте 3-го л. В Особой редакции «Вопрошания Кирикова» в гл. 87 вместо перфекта 3-го л. *не молвилъ есть* в одном из списков (РГБ, ф. 247, XVI в.) стоит презенс *не молвить*, а в другом (РГБ, Никиф. 498, первая четверть XVI в.) — нулевая связка: *не ∅ молвилъ*. В той же главе Особой редакции перфект 3-го л. во фразе *а силце того дела есть поставилъ* ‘а силко (он) поставил специально для этого’ заменен на перфект 2-го л. с другим глаголом: *а силце того дела еси полакль* ‘а силко ты поставил специально для этого’ [Мильков, Симонов 2011: 492]. Трудно сказать с уверенностью, как это место выглядело в протографе, возможно, варианты *молвилъ есть* и *есть поставилъ* были добавлены писцом Новгородской Кормчей 1282 г. Однако в двух главах связка 3-го л. стоит в обеих редакциях «Вопрошания»: *еже есть изблевалъ* ‘а то, что (человек) выблюнул’ (К1) и *съсало есть* ‘(дитя уже) пососало (мать)’ (К48), поэтому отрицать, что в идиоме Кирика ненулевая связка 3-го л. в перфекте была, трудно. Пятый пример, из той же главы 48, достовернее выглядит в версии Кормчей: *аще есть въ покааніи без впитемии вчистилася* (К48). Писец Особой редакции списка РГБ, ф. 247, XVI в. произвел конъектуру, изменив сегментацию текста и дважды добавив *и*. Это свидетельствует о том, что синтаксическая связь между начальными элементами *аже есть* и далеко отстоящим *л*-причастием *вчистилася* была уже ему плохо понятна: *аще есть въ покааніи и без впитемии и вчистилася*.

Еще в двух примерах, где Кирик и Антоний употребляют при *л*-причастии связку *есть*, диагностируется экзистенциально-локативное значение, ср. (10):

- (10) *аще **есть**_{3SG} въ покаяніи безъ шпитеміи **вчисти**ла_{SG.F.SA}REFL* («Во-
прошание Кириково», К48)
'Если **имеется** такая женщина, которая пребывает в покаянии без
наложенной на нее епитимии'.

В примере (11) связка *есть* стоит после начальной проклитики *и*, что невозможно для стандартных древнерусских энклитик²⁴. Контекст позволяет восстановить как экзистенциально-локативное (локализация некоторой святыни), так и верификативное значение: подчеркивается, что святой Константин, который жил в этих местах, после своей смерти действительно предстал царю в своем телесном облике:

- (11) (И странъ ея жил_{SG.M} Коньстантинъ), **и *есть*_{3SG} в теле явился** цареви
(Антоний).

Примеры типа (11), где связка стоит в позиции, недоступной для энклитик, но доступной для ударных слов, могут быть интерпретированы только как Перфект II. Прочие 9 примеров *л*-перфекта со связкой *есть* в текстах Кирика, Ильи-Иоанна и Антония, где связка стоит внутри клаузы, могут быть альтернативно истолкованы и как Перфект I, поскольку в данной позиции связка может атонироваться, и как Перфект II, поскольку соответствующие контексты интерпретируются как экзистенциально-локативные или верификативные. О линейной диагностике связок *есть*, *суть* в Перфекте I и Перфекте II см. ниже, в разделе 5. В идиоме Даниила, в тексте которого число примеров *л*-перфекта 3-го л. с ненулевой связкой максимально, кри-

т. е. 'она еще в покаянии, но без епитимии, и уже очистилась'. В списке Особой редакции по РГБ, Никиф. 498 этих вставных *и* нет [Мильков, Симонов 2011: 495]. В так называемой Комбинированной редакции (список РГБ, Овчин. 47, к. XV — н. XVI в) связка *есть* стоит в обоих примерах с перфектом 3-го л. из К48, вставных *и* нет [Там же: 526]. Наконец, в Краткой редакции (ГИМ, Чуд. 169, XV в.) в гл. 87 стоит ***есть поставилъ***, но *не молвилъ*, с нулевой связкой. Глава 48 в этой редакции опущена, как и предложение *еже **есть изблевалъ*** из К1. Помимо информации о лакунах, эти текстологические детали свидетельствуют о том, что конструкция *есть*, *суть* + *л*-причастие доставляла неудобства писцам XV–XVI вв., в то время как писцу Новгородской Кормчей 1282 г. она должна была быть понятна.

²⁴ Раннедревнерусские примеры комбинаций начальной проклитики с энклитическим местоимением (*а + ся*) или связкой 1–2-го л. (*а + еси*) крайне немногочисленны и носят реликтовый характер [Зализняк 2008: 36]. Напротив, в южнославянских памятниках XII–XIII вв. постановка этих разрядов энклитик после начальных проклитик представляла собой живое явление, ср. перфект 3-го л. а **е**_{PRES.3SG} **имѣль**_{SG.M} : **д** · сыновъ 'а имел он четырех сыновей' в древнехорватской надписи попа Теходрага, которую С. М. Михеев датирует XIII в. [Михеев 2021: 107].

териум, отделяющим Перфект II от Перфект I при связке 3-го л. внутри клаузы, является дистантная позиция ударной связки 3-го л. при *л*-причастии глагола, отличного от *быти*, диагностирующая Перфект II. Неясно, распространяется ли тот же критерий на идиомы новгородских авторов.

Можно допустить, что в идиомах Кирика, Ильи-Иоанна и Антония ненулевых связок 3-го л. в стандартном древнерусском Перфекте I не было: материал не позволяет доказать обратное. Тем не менее есть основания трактовать южнорусские и новгородские примеры перфекта со связкой 3-го л. по-разному, т. к. бесспорные случаи употребления ненулевых связок 3-го л. в Перфекте I в XII в. имеются только за пределами новгородского ареала.

4. Подлежащие клаузы и синтаксис древнерусских клитик

В данном разделе проверяется вторая гипотеза А. А. Зализняка о том, что в тех идиомах или регистрах древнерусского языка, где ненулевые связки 3-го л. перфекта сохранены, внешне выраженное подлежащее перфектной клаузы и связка 3-го л. распределены дополнительно [Зализняк 2008: 257]. Критерии линейной диагностики Перфекта I и Перфекта II рассматриваются далее в разделе 5.

4.1. Подлежащее и контроль предикатного согласования

Понятие подлежащего теоретически ненейтрально, но деление клауз на подлежащие и неподлежащие зависит от применяемых договоренностей и носит технический характер.

4.1.1. Маркировка субъектного аргумента клаузы

Под ‘клаузой’ традиционно понимают синтаксически оформленную предикацию, т. е. бинарную структуру, где есть позиция субъектного аргумента, вынесенного за пределы сказуемого. Этот аргумент может быть выражен или не выражен внешне. В зависимости от типа вершинного предиката различают финитные и нефинитные (инфинитивные, причастные, деепричастные и т. д.), главные и придаточные, глагольные и именные клаузы, так называемые малые клаузы (*small clauses*), и проч. При преобразовании финитных клауз в нефинитные в некоторых случаях маркировка субъектного аргумента не меняется, что подтверждает статус выражений типа англ. *there* как подлежащих, ср.: **There** *is*_{PRES.3SG} *so much time left* ‘Осталось очень много времени’ ⇒ [For **there** *being*_{GER} *so much so much time left*] *bothers me* ‘То, что осталось так много времени, беспокоит меня’ [Partee 1979; Циммерлинг 2021: 53]. В древнерусском языке при преобразовании финитной клаузы в нефинитную субъектный аргумент вместо им. п. получает дат. п.: *Ивань*_{NOM.SG.M} *же* [*∅/есть*_{RES.SG}] *пришелъ*_{PART.PERF.SG.M} ⇒ *Ивану*_{DAT.SG.M} *же* *пришедшу*_{PART.SG.M}. То же касается маркировки субъектного аргумента при помощи местоименных клитик, см. клитику *ти*₂

‘тебе’, которая в (12b) вклинивается между согласуемым причастием м. р. ед. ч. *крещьшу* и возвратной клитикой *ся* (12c), является поздним каноническим переводом (12b).

- (12) а. **Господь**_{NOM.SG} [\emptyset ^{3P}/есть_{PRES.3SG}] **крестиль**_{PART.PERF.SG.M=ся_{REFL.ACC}} въ Иорданѣ;
 б. И егда рекутъ: «Во Иорданѣ **крещьшу**_{PART.SG.M=ти_{DAT.SG=ся_{REFL.ACC}}} Господи» (Даниил, XXXVI);
 с. И когда произнесут: «Во Иордане **крещающуся тебе**, Господи».

Смена маркировки субъектного аргумента им. п. \Rightarrow дат. п. характеризует также преобразование финитных клауз в инфинитивные, ср. два примера из новгородских берестяных грамот, выражающих одинаковый смысл ‘Почему ты ведешь себя аморально и незаконно?’ и начинающихся с вопросительного слова *цемоу* ‘почему?’, ‘зачем?’.

- (13) цемоу бра(те) (-- (ба̄ не **б̄**)иши_{2SG.CA.REFL} (Б.гр. № 548, ок. 1180–1200 гг.)
 ‘Почему, брат, <ты> не **боишься** Бога?’;
 (14) цемоу **тобѣ**_{2SG.DAT} тако **дѣати**_{INF} (Там же, № 1113)
 ‘Почему ты так делаешь?’, букв. ‘Зачем тебе так **делать**?’.

4.1.2. Система расстановки клитик

Как верно указал А. А. Зализняк, древнерусская система расстановки кластеризуемых энклитик типа *же*, *ли*, *ти*, *ся*, *есмь*, *еси* и т. д. ориентирована на отдельную клаузу. Внешняя позиция клитик и цепочек типа *есвъ* в (4), *ся* в (12a), *ти ся* в (12b) обычно отсчитывается от начала клаузы, а не от начала полипредикатного комплекса [Зализняк 1993: 281]. Контраст между финитными и нефинитными клаузами в этом плане минимален, за вычетом случаев, связанных с тенденцией к обособлению возвратной клитики *ся*²⁵. Что касается внутреннего синтаксиса древнерусских кластеризуемых энклитик, т. е. правил упорядочения цепочек клитик, то он принципиально един для всех типов клауз, что и является характеристикой стандартных систем порядка слов с законом Ваккернагеля [Zimmerling, Kosta 2013; Циммерлинг 2021].

4.1.3. Связочные клаузы с л-причастием

Древнерусское л-причастие является застывшей именной (адъективной) падежной формой им. п., что обуславливает возможность реализации диалектного новгородского окончания ед. ч. м. р. тематического склонения *-е* в примерах (2a), (4) и в форме из надписи Домашки *ѡль* <*псал-е*>, упомянутой в разделе 2. С синхронной же точки зрения л-причастие является бес-

²⁵ Особенности постановки клитик в придаточных обсуждаются в [Циммерлинг 2013: 439–442].

падежным компонентом конструкции перфекта, выражая при этом согласовательные категории рода и числа. Связка перфекта служит специальным показателем лично-числового согласования. В комплексе согласовательных категорий значение лица приоритетно, поскольку значение числа параллельно выражается самим причастием. Важно, что стандартная конструкция общеславянского и древнерусского перфекта возможна во всех трех лицах, а выбор формы связки характеризует лексически заданное согласование с субъектным (подлежащим) аргументом 1–3-го л., или же так называемое дефолтное согласование при безличном предикате. Иными словами, связка копирует лично-числовые характеристики субъектного аргумента, выступающего в роли контролера согласования, если таковой в перфектной клаузе имеется.

Поскольку система расстановки древнерусских клитик и, в частности, того разряда, к которому относятся связки перфекта — предикатных энклитик второй позиции, ориентирована на уровень клаузы и существуют ограничения на совместную реализацию древнерусских связочных клитик и подлежащего, критерием демаркации подлежащих и неподлежащих перфектных клауз должна быть фонетическая выраженность (= ненулевая форма) подлежащего в той же самой клаузе, где реализуется связочная клитика, а не наличие позиции подлежащего в синтаксической структуре законченного предложения. Поэтому мы трактуем перфектные клаузы с невыраженным подлежащим при однородных членах типа $\langle X_{3SG} \text{прашалъ}_{SG.M} \text{ся} \rangle$ и $\langle \text{пошелъ}_{SG.M}, \langle \text{прашалъ}_{SG.M} \text{ся} \text{есмь}_{1SG} \text{и пошелъ}_{SG.M} \rangle \rangle$ как бесподлежащие, хотя с формально-синтаксической точки зрения они содержат позицию подлежащего, остающуюся незаполненной в результате сочинительного сокращения. В записи (15а–с) референция опущенного подлежащего указана верхним индексом. В первой клаузе (15b) связка 1-го л. ед. ч. *есмь* с формально-синтаксической точки зрения контролируется нулевым подлежащим *pro*, в данном синтаксическом окружении выражающим согласовательные признаки 1-го л. ед. ч.: тот же элемент контролирует сочинительное сокращение подлежащего второй клаузы при глаголе *пошелъ*. В первой клаузе (15с) контролером согласования является внешне выраженное подлежащее 1-го л. ед. ч. *азь* ‘я’ при опущенной связке 1-го л. ед. ч. Напомним, что *л*-причастие *пошелъ* лишено категории лица, поэтому выдвижение гипотезы о сочинительном сокращении как форме подлежащего контроля естественным образом предполагает признание нулевого подлежащего в той клаузе, где находится контролер согласования.

- (15) а. $\text{Ефремь}^i \text{прашалъ}_{SG.M} = \text{ся}_{REFL}$ и $\emptyset^i \text{пошелъ}_{SG.M}$
 ‘Ефрем отпрашивался и пошел’;
 б. $\text{pro}^i \text{прашалъ}_{SG.M} = \text{ся}_{REFL} = \text{есмь}_{1SG.M}^i$ и $\emptyset^i \text{пошелъ}_{SG.M}$
 ‘Я отпрашивался и пошел’;
 с. $\text{Азь}^i \text{прашалъ}_{SG} = \text{ся}$ и $\emptyset^i \text{пошелъ}_{SG.M}$
 ‘то же’.

Реконструированные примеры (15а–с) имеют тот же синтаксис, что реально засвидетельствованные примеры (2)–(3), повторенные ниже в записи (16).

- (16) мене **игоумене**_{NOM.SG.M}ⁱ не поустиле_{SG.M} нь \emptyset^i посълалъ_{SG.M} съ асафъмь къ посадъникоу медоу дѣла (Б.гр. № 605, н. XII в.)
‘Игумен не отпустил меня, но послал с Асафом к посаднику за медом’.

Как однозначно подлежащие мы интерпретируем те клаузы, где позиция подлежащего заполнена именной группой, ср. (2), (5), 6), (7) и первые клаузы (15а) и (16), или личным местоимением 1–2-го л., ср. (4) и первую клаузу в (15с), а также свободным ударным местоимением 3-го л., ср. *тъ, онъ*, или независимым ударным вопросительно-относительным местоимением, ср. *кто, что, которыи*. Напротив, перфектные клаузы типа (17), где позиция подлежащего заполнена связанным относительным местоимением типа *и-же, а-же, о-же*, отсылающим к другой клаузе, где находится его антецедент, мы трактуем как бесподлежащие.

- (17) **Ефремъ**_{NOM.SG.M}ⁱ, **и**ⁱ же прашалъ_{SG.M} =с_ЯREFL оу игоумена
‘Ефрем, который отпрашивался у игумена’.

Данное решение обосновано спецификой просодико-синтаксического интерфейса древнерусского языка, в котором нет подлежащих местоимений в им. п., а связочные клитики 1–3-го л., вопреки проведенной в [Хабургаев 1978: 48; Зализняк 1993: 291] аналогии, не являются местоимениями. Тем самым ‘подлежащность’ и ‘энклитичность’ для древнерусского языка — взаимоисключающие характеристики. В соответствии со стандартной терминологией синтаксического контроля назовем контролируемый показатель ‘мишенью согласования’. Соотношение контролеров согласования (подлежащих) и мишеней согласования (связок) показано в Таблице 2.

Таблица 2

Полноударные формы и клитики в системе
субъектно-предикатного согласования в древнерусском языке

	Ненулевые подлежащие элементы (= Контролеры согласования)	Ненулевые связки (= мишени согласования)	
Полноударные элементы	+	связки 1–2-го л. презенса индикатива глагола <i>быти</i>	связки 3-го л. презенса индикатива <i>быти</i> , непрезентные формы <i>быти</i>
		–	+
Клитики	–	+	±

Корреляция между ударностью и синтаксическим статусом, как видно из Таблицы 2, полнее выражена в древнерусском языке для контролеров предикатного согласования, чем для его мишеней. Это объясняется тем, что класс связок шире класса связочных энклитик: полнотой свойств энклитик второй позиции обладают только формы 1–2-го л. презенса индикатива глагола *быть*, которые не могут стоять в абсолютном начале клаузы [Зализняк 1993: 285]. Прочие связки могут быть как атонируемыми, так и ударными, что проявляется в их дистрибуции. Так, в массиве духовных и договорных грамот XIII–XV вв. связка *буду* в конструкции с *л*-причастием тяготеет к внутриклаузальной позиции и кластеризуется вместе со стандартными энклитиками, занимая место справа от них [Циммерлинг 2013: 491]. Аналогичную тенденцию, как указано в [Зализняк 2008: 39–40], обнаруживают в древнерусский период связки так называемого русского плюсквамперфекта *был, была, было, были*, которые при контактном порядке со стандартными энклитиками ставятся после связок 1–2-го л. презенса индикатива (*есмы был, есмы были* и т. п.). Сходную дистрибуцию связки русского плюсквамперфекта имеют в широком круге памятников XIV–XVI вв. [Циммерлинг 2019].

4.2. Параметр *pro-drop* и подлежащие элементы

Языки мира принято делить на классы *pro-drop* и *non-pro-drop*, в зависимости от свойств контролера предикатного согласования. В одном классе языков, куда входят английский и французский языки (*non-pro-drop*), контролер предикатного согласования должен быть внешне выраженным. В другом классе языков, куда входят латинский, итальянский и древнерусский языки (*pro-drop*), контролер предикатного согласования может или должен оставаться имплицитным. Под *pro* обычно понимают внешне невыраженное тематическое подлежащее финитной клаузы, имеющее синтаксические свойства нулевого местоимения. В расширительной трактовке, которая в этой статье не используется, под категорию *pro* также подводятся нулевые дополнения, референция которых восстанавливается из дискурса. В интересующем нас случае гипотеза о *pro* выдвигается для обоснования параметра грамматического плеоназма/устранения плеоназма, когда контролер согласования либо должен быть выражен внешне в той же клаузе, либо может/должен оставаться имплицитным²⁶. Данный параметр релевантен для всех древнерусских глагольных и неглагольных клауз, где

²⁶ Имеется альтернативный подход к описанию грамматического плеоназма и субъектно-предикатного согласования, ориентированный на то, чтобы избежать введения понятия нулевой синтаксической категории *pro* и заменить анализ в терминах синтаксического контроля прагматическим анализом в терминах так называемого референциального выбора говорящего [Буденная 2020; 2021]. Дискриптивные преимущества этого подхода для описания субъектно-предикатного согласования пока неочевидны.

имеются показатели согласования, в том числе для глагольных клауз с формами презенса, аориста и имперфекта и клауз с согласуемыми предикативными причастиями типа (12b), где согласование выражено флективно. Во всех древнерусских конструкциях с причастием на *-л* — перфект, книжный плюсквамперфект (*бяху пришли*), русский плюсквамперфект (*были пришли*), конструкция с *буду* (*будуть пришли*), оптатив (*быша пришли*), — а также в предложениях с именовым сказуемым лично-числовое согласование выражено служебным словом, которое может иметь фонетические и/или синтаксические свойства клитики. Связки 1–2-го л. *есмь, еси, есмь, есте, есвѣ, есте* обладают полнотой свойств энклитик [Зализняк 1993: 285; 2008: 247–256], прочие связки могут быть в древнерусском языке атолируемыми либо ударными. Примером эпиграфического памятника, который одновременно демонстрирует три разных типа древнерусских связочных конструкций, является новгородская берестяная грамота № 705 (ок. 1200–1220 гг.), см. связки перфекта в (18a), русского плюсквамперфекта в (18b) и оптатива в (18c).

- (18) а. а та предамо сватее богородице ко нее же **еси**_{AUX.PRES.2SG} заходи_{лѣ}_{SG.M} роте
 ‘Я тебя предаю святой Богородице, которой ты приносил клятву’;
 б. **азь**_{1SG} **быле**_{AUX.PAST.SG.M} лони надели_{лѣ}_{SG.M}
 ‘Я в прошлом году было выделил (ей) имущество’;
 с. а нѣне **быхо**_{AUX.OPT.1SG} посолале_{SG.M}
 ‘А теперь я бы послал (ее наделок)’.

В 1993 г. А. А. Зализняк выдвинул гипотезу о том, что живой древнерусский язык последовательно устранял плеоназм связочной клитики и подлежащего контролера согласования. В связи с этим для связочных форм 1–2-го л. презенса индикатива *быти* прогнозируются двухчленные сочетания типа *даль еси ~ ты даль, виновать еси ~ ты виновать* при редкости трехчленных сочетаний типа *ты еси даль, ты еси виновать* [Зализняк 1993: 291–292]. Чтобы обосновать возможность употребления подлежащих личных местоимений 1–2-го л. в древнерусском языке, А. А. Зализняк дополнительно выдвинул тезис о том, что они преимущественно использовались в коммуникативно выделенных контекстах [Там же: 292]. В синтаксическом плане это равнозначно признанию подлежащих местоимений 1–2-го л. *эмфатическими*, аналогично полным объектным местоимениям 1–3-го л., ср. др.рус. *мнѣ*_{1SG.DAT}, *тобѣ*_{2SG.DAT}, *мене*_{1SG.ACC}, *тебе*_{2SG.ACC}, *юго*_{3SG.ACC.M}, *юѣ*_{3SG.ACC.F}, употребляющимся наряду с объектными клитиками, выражающими те же грамматические значения, ср. др.рус. *ми*_{1SG.DAT}, *ти*_{2SG.DAT}, *мя*_{1SG.ACC}, *тя*_{2SG.ACC}, *и*_{3SG.ACC.M}, *ю*_{3SG.ACC.F}. Проведенная А. А. Зализняком аналогия между дистрибуцией парных форм объектных местоимений в парах типа *мнѣ ~ ми, юго ~ и*, первые элементы которых являются эмфатическими, и опущением подлежащих местоимений в им. п. объясняет тенденцию к дополнительному распределению свя-

зок 1–2-го л. и подлежащих. Поскольку подлежащих клитик в древнерусском языке нет, альтернативой употреблению ударного подлежащего местоимения становится его опущение или, в нотации с нулевыми синтаксическими категориями, замена ударного подлежащего на *pro*: в записи (i) символ ‘*pro*’ указывает на внешне невыраженное подлежащее, контролирующее лично-числовую форму связки, а символ ‘ \emptyset ’ — на устраненную (опущенную) форму самой связки.

(i) $\mathbf{Я}_{1SG} \emptyset \underline{даль}_{SG.M} \sim \mathbf{pro} \underline{даль}_{SG.M} \mathbf{есмь}_{1SG}$.

Подход А. А. Зализняка в версии 1993 г. содержит внутреннее противоречие. Если все употребления подлежащих местоимений 1–2-го л. эмфатичны, они плеонастичны и не должны влиять на внешнюю реализацию связки: *я даль ~ я есмь даль*. В позднейшей книге 2008 г. А. А. Зализняк счел нужным уточнить, что в некоторых синтаксических контекстах (им перечислено 6 случаев) употребление подлежащих местоимений в раннедревнерусских памятниках было факультативным [Зализняк 2008: 243–245]. С учетом этой поправки механизм дополнительного распределения (i) должен проверяться в тех контекстах, где подлежащее местоимение 1–2-го л. возможно, но не строго обязательно. В книге 2008 г. А. А. Зализняк также распространил тезис о дополнительном распределении подлежащего контролера и связки на 3-го л.: «В 3-м лице присутствие подлежащего (существительного или местоимения) дает в отношении связок такой же эффект, как присутствие местоимения-подлежащего в 1-м и 2-м лице» [Там же: 240]. Это решение логично в свете трудностей, возникающих из-за эмфатического характера местоимений 1–2-го л., но влечет новые трудности из-за двух особенностей связочных предложений 3-го л. Во-первых, независимые подлежащие местоимения 3-го л. в раннедревнерусский период употреблялись мало, поэтому вероятность найти в текстах этого периода сочетания *онь \emptyset даль*, *ть \emptyset даль* мала, при частотности сочетаний типа *Попь \emptyset даль*, где подлежащее выражено ИГ. Во-вторых, ненулевые связки 3-го л. либо отсутствуют — как в конструкции перфекта, если принять тезис Г. А. Хабургаева и А. А. Зализняка [Хабургаев 1978; Зализняк 1993: 285; 2008: 240, 256, 259; Шевелева 2002: 59; Толстая 2023], либо не обладают полнотой свойств клитик. Предсказываемое моделью А. А. Зализняка распределение иллюстрируется записью (ii), где символ ‘ \emptyset^{3P} ’ указывает на то, что отсутствие внешней выраженной связки передает согласовательное значение 3-го л., которое не выражается *л*-причастием или именным предикатом.

(ii) $\mathbf{Попь}_{NOM.SG.M} \emptyset^{3P} \mathbf{виноватъ}_{NOM.SG.M} \sim \mathbf{pro} \mathbf{виноватъ}_{NOM.SG.M} \mathbf{есмь}_{3SG}$;
 $\mathbf{Попь}_{NOM.SG.M} \emptyset^{3P} \underline{даль}_{SG.M} \sim \mathbf{pro} \underline{даль}_{SG.M} \mathbf{есмь}_{3SG}$.

Вывод общей формулы, предсказывающей распределение подлежащих и связок в 1–3-м л., возможен за счет отказа от изучения специфики личных местоимений и клитик. В этом случае главным фактором остается на-

личие в связочной клаузе контролера согласования, стоящего в им. п. (N_{НОМ}). Главное предсказание состоит в том, что связка должна присутствовать в тех клаузах, где такой контролер внешне не выражен, т. е. реализуется в виде *pro*. В записи (iii) символ ‘AUX¹⁻³’ обозначает внешне выраженную связку 1-3-го л., ‘l-PART’ — л-причастие, ‘PRED’ — именную часть сказуемого, а ‘∅’ — опущенную связку.

(iii) *pro* — AUX¹⁻³ — l-PART/PRED ~ N_{НОМ} — AUX¹⁻³/∅ — l-PART/PRED.

Левая часть формулы (iii) эмпирически проверяема для всех древнерусских связок: подтверждением предсказания можно считать значительное преобладание примеров без внешне выраженного подлежащего в выгрузке клауз с ненулевой связкой. Правую часть формулы (iii), по-видимому, нельзя проверить для тех клауз, где связка диагностирует тип связочной конструкции, т. е. для связок опатива, плюсквамперфекта и предбудущего. Для форм презенса индикатива глагола *быти* эмпирическая проверка правой части формулы (iii) сводится к выяснению пропорции двучленных и плеонастических трехчленных вариантов типа *Попъ виновать* ~ *Попъ есть виновать*, *Попъ даль* ~ *Попъ есть даль* в выборках клауз с формами именного сказуемого или л-перфекта.

4.3. Соответствие древнерусского языка типу ‘радикальный язык *pro-drop*’

Гипотеза А. А. Зализняка о дополнительном распределении древнерусских связок и подлежащих в типологическом плане равнозначна разделению языков *pro-drop* на два подкласса. В первом из них, который далее обозначается термином ‘стандартный *pro-drop*’, подлежащий контролер согласования факультативно опускается независимо от свойств связочной мишени, распределение типа (i)–(iii) не соблюдается. Во втором из них, в [Zimmerling 2009] обозначенном термином ‘aggressive *pro-drop*’, русским эквивалентом которого может быть термин ‘радикальный *pro-drop*’, распределение типа (i)–(iii) соблюдается, подлежащий контролер заменяется на *pro* при наличии внешне выраженной связочной мишени.

Таблица 3

Параметризация языков *pro-drop*

Стандартные языки <i>pro-drop</i>	Радикальные языки <i>pro-drop</i>
Подлежащий контролер факультативно реализуется в виде <i>pro</i>	Подлежащий контролер заменяется на <i>pro</i> при наличии внешне выраженной мишени субъектно-предикатного согласования

Согласно А. А. Зализняку [2008: 246–255], к радикальному *pro-drop* следует отнести живой древнерусский язык, особенно — древненовгородский диалект XI–XIII вв., где распределение (ii) распространяется на свя-

зочные высказывания в 3-м л. [Там же: 258], в то время как в прямой речи персонажей Киевской летописи связки 3-го л. употребляются шире [Там же: 260]. Сходные наблюдения над распределением связочных клитик и подлежащих в современном русинском языке Воеводины независимо от А. А. Зализняка сделал У. Браун [2008].

Поскольку понятие ‘живой древнерусский язык’ — модельный конструкт, а признанные эталонными для разговорного языка массивы берестяных грамот и прямой речи персонажей Киевской летописи имеют разные настройки параметра *pro-drop*, при анализе любой группы древнерусских текстов необходимо выяснять, к какому подклассу — стандартным или радикальным языкам *pro-drop* — относятся рассматриваемые тексты. Также следует проверять, является ли распределение подлежащих и связок одинаковым для разных связочных конструкций в пределах одной и той же группы текстов. Если выборка включает тексты разного происхождения, дополнительно следует выяснить, варьируют ли настройки параметра *pro-drop* для разных древнерусских диалектов или нет.

4.4. Нулевая связка 3-го л. и взаимодействие параметров грамматики

Описание А. А. Зализняка связано с формальной моделью. В 3-м л. конструкции перфекта в древнерусском языке, по крайней мере в тех его идиомах, где связки *есть* и *суть* в перфекте невозможны, имеет место не эллипсис связки, а нулевая связка 3-го л. Напротив, в 1–2-м л. правомерно говорить о регулярном или спорадическом опущении связочной клитики 1–2-го л., т. е. об эллипсисе. Такая формализация, с обоснованием применимости понятия нулевой связки к древнерусскому материалу, предложена в [Zimmerling 2020; Циммерлинг 2021: 26–28]. Описание древнерусской грамматики с опорой на выделенные А. А. Зализняком и другими лингвистами параметры, ограничивающие совместную дистрибуцию энклитик и подлежащих, ставит две проблемы. Первая носит теоретический характер, а вторая связана с попыткой определить диалектную специфику древнерусских памятников, опираясь на модельные описания клитик и конструкции перфекта.

- (iv) Как именно взаимодействуют конфликтующие между собой параметры, один из которых допускает реализацию связок 3-го л. в позициях, характерных для кластеризуемых клитик, т. е. позициях, предположительно общих для всех связочных клитик 1–3-го л., другой требует нулевой связки в конструкции перфекта, а третий (*aggressive pro-drop*) требует опускать клитику 1–3-го л. при наличии внешне выраженного подлежащего.
- (v) Правильно ли модельное представление о том, что в живой древнерусской речи связка 3-го л. отсутствовала в конструкции перфекта во всех диалектах, при том что само это представление является результатом наблюдений над двумя группами памятников,

признаваемых эталонными, — новгородских берестяных грамот и прямой речью персонажей южнорусской «Киевской летописи».

Далее мы рассмотрим на предмет соответствия типу *aggressive pro-drop* и распределению (iii) пять текстов основной группы для связок 3-го л. в конструкции перфекта и в других связочных конструкциях, включая 1–2-е л. перфекта.

4.5. Распределение подлежащих и ненулевых связок перфекта 3-го л.

Ненулевая связка перфекта 3-го л. используется всеми пятью авторами XII в. — Даниилом, Мономахом, Кириком, Ильей-Иоанном и Антонием. В «Вопрошании Кириковом» она обнаруживается только в основном разделе, написанном самим Кириком: в добавлениях Саввы и Ильи ее нет. Из выборки клауз в тексте Даниила, как и в Таблице 1, были исключены примеры с омонимичной стандартному древнерусскому перфекту (= 'Перфект I') конструкции с ударной связкой 3-го л., выражающей экзистенциально-локативные или верификативные значения (= 'Перфект II'). В тексте Мономаха Перфекта II нет, а все три учтенных в Таблице 4 примера Перфекта I были указаны выше, см. (6)–(8). Контексты девяти примеров с ненулевой связкой 3-го л. внутри клаузы в текстах новгородских авторов (Кирика, Ильи-Иоанна и Антония) амбивалентны между Перфектом I и Перфектом II, поэтому все эти примеры были учтены. Подсчеты для редакции «Вопрошания Кирикова» по Новгородской Кормчей и для Особой редакции того же памятника указаны отдельно.

Таблица 4 показывает, что у двух южнорусских авторов (Даниил и Мономах) наличие или отсутствие подлежащего перфектной клаузы не ограничивает выбор ненулевой связки 3-го л. Большинство перфектных клауз имеют в их идиомах подлежащее²⁷. Доля примеров без подлежащего в тексте Даниила одинакова для перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л.

²⁷ Анонимный рецензент высказывает мнение, что тексты Даниила и Мономаха покажут тенденцию к дополнительному распределению связок 3-го л. перфекта и внешне выраженных подлежащих, если включить в выборку все клаузы с нулевой связкой, которые в их текстах составляют 72,15% от общего числа примеров. С таким методом подсчета согласиться трудно. Непосредственным объектом проверки должны быть клаузы с ненулевой связкой, гипотеза (iv) предсказывает, что доля примеров -SUBJ в выборке клауз с ненулевой связкой должна быть выше, чем доля примеров +SUBJ. Этот прогноз верен для двух новгородских авторов из трех и неверен для обоих южнорусских авторов. Группа примеров с нулевой связкой является контрольной: она показывает настройки параметра *pro-drop*, т. е. общие условия опущения подлежащего. Если считать данные в правой части Таблицы 4 предложенным рецензентом способом, процент клауз с дополнительным распределением ненулевых связок 3-го л. и подлежащих у новгородских авторов окажется ниже (60%, 68/114), чем у южнорусских (63%, 79/110): искажение возникает из-за того, что доля клауз с нулевой связкой у новгородских авторов выше, чем у южнорусских — 83,3% (95/114).

Таблица 4

**Подлежащие и бесподлежащие клаузы с ненулевой и нулевой связками 3-го л. л-перфекта
в текстах пяти древнерусских писателей XII в.**

	Даниил		Мономах		Кирик _{Корм}		Кирик _{Особ}		Илья-поучение		Антоний ²⁸	
Дата	ок. 1104–1106		ок. 1097–1117		ок. 1132–1156		ок. 1132–1156		1166		ок. 1200	
Диалект	Черниговский		Переяславский		Новгородский							
	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ
Ненулевая связка	15	3	2	1	1	4	0	3	0	2	1	1 ²⁹
Нулевая связка	60	12	15	2	7	5	6	3	4	9	50	30
% клауз с ненулевой связкой	20%	20%	13,33%	50%	20%	50%	0%	50%	0%	18,8%	1,96%	3,2%

Таблица 5

**Доля подлежащих клауз в выборке клауз со связкой 3-го л. л-перфекта
в текстах пяти древнерусских писателей XII в.**

	Даниил	Мономах	Кирик _{Корм}	Кирик _{Особ}	Илья-Иоанн	Антоний ³⁰
Ненулевая связка	83,33%	66,66%	20%	0%	0%	50%
Нулевая связка	83,33%	88,23%	58,33%	66,66%	30,77%	62,5%

²⁸ По изданию Х. М. Лопарева [1899]. В Списке Яцимирского есть еще два примера с ненулевой связкой перфекта 3-го л. Они квалифицируются как Перфект II, т. е. как семантически обусловленная конструкция с ударной связкой 3-го л.

²⁹ В Списке Яцимирского имеется еще две (всего три) бесподлежащих перфектных клаузы с ненулевой связкой 3-го л.

³⁰ По изданию [Лопарев 1899].

(3/18 = 16,66%) и клауз с нулевой связкой 3-го л. (12/72 = 16,66%). В идиомах трех новгородских авторов (Кирик, Илья-Иоанн, Антоний) картина иная. Из девяти примеров с ненулевой связкой 3-го л. внутри клаузы семь не имеют подлежащего³¹. У двух новгородских авторов из трех в совершенных клаузах с нулевой связкой 3-го л. количественно преобладают примеры с подлежащим. Для удобства эти данные сведены отдельно в Таблице 5.

Можно заключить, что идиомы двух южнорусских авторов XII в. в плане реализации конструкции *л*-перфекта в 3-м л. не соответствуют типу ‘радикальный *pro-drop*’, в то время как идиомы трех новгородских авторов XII в. в плане употребления ненулевых связок 3-го л. в целом ему соответствуют.

В контрольной группе памятников XIV–XV вв. ненулевых связок 3-го л. в конструкции перфекта нет. В двух контрольных фрагментах 1НПЛ под 1132–1156 и 1204 гг. имеется в общей сложности 12 примеров *л*-перфекта 3-го л., из них 2 — с ненулевой связкой. Их распределение соответствует типу ‘радикальный *pro-drop*’, но репрезентативной статистики нет. В двух редакциях «Русской Правды» — Краткой (по Академическому списку) и Пространной (по Синодальному списку 1282 г.) — насчитывается 26 примеров *л*-перфекта с нулевой связкой 3-го л. (из них 4 — в Краткой редакции), но совершенных клауз с ненулевой связкой 3-го л. нет.

Таблица 6

**Подлежащие и бесподлежащие клаузы
с ненулевой и нулевой связками 3-го л. *л*-перфекта
в контрольной группе древнерусских текстов XI–XIII вв.**

	1НПЛ 1132–1156		1НПЛ, 1204		Русская Правда, Кр.		Русская Правда, Простр. Син.	
Диалект	Новгородский						Неновгородский	
	+	–	+	–	+	–	+	–
	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ
Ненулевая связка	0	1	0	1	0	0	0	0
Нулевая связка	2	7	1	0	4	0	14	9

4.6. Распределение подлежащих и ненулевых связок в 1–2-м л. в *л*-перфекте

Совершенно иную картину показывают совершенные клаузы 1–2-го л. Здесь контраста южнорусских и новгородских памятников нет, абсолютно преобладает тип *pro даль есмь*, а плеонастические сочетания вида *азь есмь даль* реализуются в эмфатических контекстах. Спорадически встречается

³¹ В Таблицах 4 и 5 не учтен пример (11), где связка стоит в неэнклитической позиции.

опущение связки 1–2-го л., которое возможно как при наличии внутри-клаузного подлежащего, так и при его отсутствии.

Таблица 7

**Перфектные клаузы 1–2-го л. в текстах
пяти древнерусских писателей XII в.**

	Даниил		Мономах		Кирик _{Корм}		Илья- поучение		Антоний ³²	
Дата	ок. 1104–1106		ок. 1097–1117		ок. 1132–1156		1166		ок. 1200	
Диалект	Черниговский		Переяславский							
	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–
	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ
Связка выражена	0	7	2	22	0	5	0	0	0	5
Связка опущена	0	0	0	1	0	2	3	0	0	0

Это распределение соответствует типу ‘радикальный *pro-drop*’ и формулам (i) и (iii). Значимым является не абсолютное число примеров в бесподлежащих клаузах (рубрика ‘-SUBJ’), а незначительный процент примеров в рубрике ‘+SUBJ’ — 4,87%.

В контрольных фрагментах 1НПЛ и двух редакциях «Русской Правды» ситуация аналогична.

Таблица 8

**Перфектные клаузы 1–2-го л. в контрольной группе
древнерусских текстов XI–XIII вв.**

	1НПЛ 1132–1156		1НПЛ, 1204		Русская Правда, Кр.		Русская Правда, Простр. Син.	
Диалект	Новгородский						Неновгородский	
	+	–	+	–	+	–	+	–
	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ
Связка выражена	0	2	0	2	0	1	0	7
Связка опущена	0	0	1	0	0	0	0	0

*4.7. Подлежащие и бесподлежащие клаузы
к конструкции *буду* + л-причастие*

Древнерусская конструкция *будет* + л-причастие, называемая ‘предбудущим’ [Борковский, Кузнецов 1963: 288; Пенькова 2019], или ‘будущим II’, или ‘предположительным наклонением’ [Зализняк 2004: 134; Шевелева

³² По изданию [Лопарев 1899].

2008: 48], относится к числу тех структур, где связочный показатель лично-числового согласования (*буду*, *будешь*, *будет* и т. д.) не может быть опущен без утраты диагностической семантики конструкции. Связка *буду* в некоторых группах текстах, ср. духовные и договорные грамоты XIII–XV вв., обнаруживает свойства кластеризуемой энклитики, занимая в цепочке клитик место правее стандартных древнерусских энклитик [Циммерлинг 2013: 491]. В какой мере она атонировалась, установить по письменным текстам нельзя, но можно определить соотношение случаев, где связка *буду* стоит в позиции, доступной для древнерусских энклитик, и случаев, где связка *буду* стоит в начале клаузы, после начальной проклитики или в другой позиции, недоступной для энклитик. Как неэнклитические мы трактуем те употребления, где связка *буду* стоит внутри клаузы, но нарушает правило внутреннего упорядочения клитик. Например, при атонируемой связке *боудеть* и возвратной клитике *ся* ожидался порядок *како ся боудеть рядиль*, который засвидетельствован в конце гл. 97 «Русской Правды» по Синодальному списку, см. (19). Но в той же главе ранее писец записал ту же юридическую формулу в виде *како боудеть ся рядиль*, см. (20): постановка *боудеть* перед *ся* служит основанием трактовать связку как ударный элемент.

(19) или съ радомъ, то како =*ся*_{REFL}=*боудеть*_{AUX.FUT.3SG} РАДИЛЬ_{SG.M} на томъ же стоить («Русская Правда», Син., гл. 97);

(20) поиметь_{SG.M} =*ли* =*са*_{REFL} съ радомъ, то како **боудеть**_{AUX.FUT.3SG} = *ся*_{REFL}= РАДИЛЬ_{SG.M} на томъ же стоить (Там же).

В пяти текстах основной группы конструкция *буду* + *л*-причастие встретила 12 раз, во всех случаях — в позиции, доступной для энклитик. В качестве контрольного памятника была взята Пространная редакция «Русской Правды» по Синодальному списку 1282 г.: в ней конструкция *буду* + *л*-причастие представлена 27 примерами, в 23 случаях связка стоит в позиции, доступной для энклитик. Сводные данные указаны в Таблице 9. В статистике «Вопрошания Кирикова» учтены 3 случая употребления *буду* + *л*-причастие в разделе Саввы.

Полученные данные в целом подтверждают тенденцию к клитизации связки *будеть* в древнерусском языке XII в. и ее употреблению внутри клаузы по правилам, действующим для энклитик. Примером такого употребления служит (21):

(21) то за что =*ся*_{REFL} =*боуду*_{AUX.FUT.1SG} и родиль_{SG.M} («Поучение Ильи-Иоанна») ‘(Если *p*), то зачем я, получается, родился?’.

Тенденцию к употреблению связки *будеть* в клаузах без подлежащего тоже следует интерпретировать как характерное свойство клитик. В основной группе текстов доля бесподлежащих клауз со связкой *будеть* в позиции энклитики выше — 75%, 9/12, чем в контрольном памятнике (Пространной редакции «Русской Правды»), — 65,2%, 15/23.

Таблица 9

**Конструкция *буду* + л-причастие
в текстах пяти древнерусских писателей XII в. и в «Русской Правде»**

	Даниил		Мономах		Кирик _{Корм}		Илья-поучение		Антоний ³³		Русская Правда, Син.	
Дата	ок. 1104–1106		ок. 1097–1117		ок. 1132–1156		1166		ок. 1200		XI–XII	
Диалект	Черниговский		Переяславский		Новгородский						Неновгородский	
	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–
	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ	SUBJ
Как энклитика, 1–2-го л.	0	0	0	1	0	2	0	2	0	0	0	0
Как энклитика, 3-го л.	0	1	0	0	2	1	0	2	1	0	8	15
Как неклити- ка, 1–3-го л.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	1
Всего	0	1	0	1	2	3	0	4	1	0	11	16

³³ По изданию [Лопарев 1899].

4.8. Параметр *pro-drop* и дистрибуция связок: выводы

Полученные данные о дистрибуции связок в подлежащих и бесподлежащих клаузах с *л*-причастием подтверждают гипотезу о том, что возможность дополнительного распределения контролеров лично-числового согласования (подлежащих) и его мишеней (связок) зависит от того, в какой мере тот или иной разряд связок обладает свойствами клитик. Связки 1–2-го л. в конструкции перфекта обладают всеми свойствами энклитик второй позиции, отсюда высокий процент бесподлежащих клауз со связочной клитикой 1–2-го л. — 95% в основной группе текстов, см. выше Таблицу 7. Связка *будет* имеет общие дистрибутивные свойства с энклитиками второй позиции: для употреблений *будет* в позиции, которая может быть интерпретирована как энклитическая, процент бесподлежащих клауз в основной группе текстов равен 75%, в контрольном памятнике — «Русской Правде» по Синодальному списку — 65%, см. выше Таблицу 9. Для связок двух данных разрядов значимых расхождений между древнерусскими диалектами не просматривается.

Связки 3-го л. перфекта употребляются в южнорусских и новгородских памятниках XII в. по-разному. У южнорусских авторов корреляции между наличием подлежащего и выбором связок *есть*, *суть*, *еста* нет. Подлежащее у этих авторов присутствует в значительном большинстве клауз с нулевой и ненулевой связками, поэтому выбор ненулевой связки 3-го л. в их идиомах нельзя представить как компенсаторный механизм, восполняющий невыраженность подлежащего контролера 3-го л., или, в иных терминах, его замену на *pro*: $Иванъ_{NOM.SG.M} \emptyset^{3P} даль_{SG.M} \sim про\ даль_{SG.M} есть_{3SG}$. Для новгородских авторов такое объяснение уместно: так, в их текстах доля подлежащих перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л. не превышает 25%, в то время как процент подлежащих перфектных клауз с нулевой связкой 3-го л. у двух новгородских авторов из трех находится в диапазоне от 58,3% до 66,6%, см. Таблицу 5. В контрольной группе памятников сопоставимый материал есть только во фрагментах ИППЛ под 1132–1156 и 1204 гг., см. Таблицу 6.

В Краткой редакции «Русской Правды», Пространной редакции «Русской Правды» по Синодальному списку и в контрольных памятниках XIV–XV вв., включая новгородские (Василий Калика, Стефан), ненулевых связок перфекта 3-го л. нет, см. Таблицу 1. Можно заключить, что распределение $Иванъ_{NOM.SG.M} \emptyset^{3P} даль_{SG.M} \sim про\ даль_{SG.M} есть_{3SG}$, соответствующее формуле (ii) и параметру ‘радикальный *pro-drop*’, если оно соблюдалось в истории новгородского диалекта, реализовалось в течение короткого отрезка времени, захватывавшего XII и XIII вв.

5. Перфект I и Перфект II в XII в.

На конструкцию Перфекта II принцип дополнительного распределения подлежащего и связки не действует. Данная конструкция реализуется в XII в.

преимущественно, а при экзистенциально-локативном значении — почти исключительно при внешне выраженном клаузальном подлежащем. Принцип дополнительного распределения связки 3-го л. и подлежащего перфектной клаузы не действует также в Перфекте I у южнорусских авторов: 80% клауз Перфекта I (17 из 21) с ненулевой связкой 3-го л. имеют внешне выраженное клаузальное подлежащее. Тем самым вторая гипотеза А. А. Зализняка о том, что в тех идиомах и регистрах древнерусского языка, где ненулевые связки 3-го л. в перфекте сохранялись, внешне выраженное подлежащее перфектной клаузы и ненулевая связка 3-го л. распределены дополнительно [Зализняк 2008: 257], нашим материалом не подтверждается.

В тексте Мономаха Перфекта II нет. Все три примера, где Мономах строит *л*-перфект с ненулевой связкой 3-го л., см. выше (6)–(8), квалифицируются как Перфект I. 9 из 11 примеров с ненулевой связкой 3-го л. + *л*-причастие в текстах трех новгородских авторов (Кирик, Илья-Иоанн, Антоний) могут, как указано выше в разделе 3, интерпретироваться и как Перфект I, и как Перфект II. Линейная комбинаторика не дает ключа, является ли связка 3-го л. в соответствующих контекстах атонируемой или ударной. Оставшиеся два новгородских примера, где связка 3-го л. стоит в неэнклитической позиции, см. (11)–(12), должны быть квалифицированы как Перфект II.

Далее рассматриваются четыре параметра перфектных клауз: 1) неэнклитическая/внутриклаузальная позиция связки, 2) переходность/непереходность глагола, наличие/отсутствие подлежащего, 3) дистантная/контактная позиция связки и *л*-причастия и 4) тип выражаемого в Перфекте II значения — экзистенциально-локативного либо верификативного.

5.1. Конструкция Перфекта II в идиоме Даниила

В каноническом виде конструкцию Перфекта II показывает текст Даниила, который использовал ее около 50 раз. В подавляющем большинстве случаев Даниил строит форму Перфекта II с *л*-причастием непереходного глагола, а соответствующие предложения выражают экзистенциально-локативные значения. 40 раз Перфект II строится с помощью *л*-причастия глагола *быти*, из них 6 примеров приходятся на долю страдательного залога, ср. *есть был создан*. Во всех примерах связки *есть* и *суть* стоят перед *л*-причастиями *был*, *была*, *было*, *были*. Дистантный порядок компонентов Перфекта II (*есть... был*, *есть... был создан*) возможен во всех вариантах конструкции, но особенно характерен для примеров, где связки *есть* и *суть* стоят в неэнклитической позиции в начале клаузы (*и есть... был*, *и есть был... создан*).

5.1.1. Значение отмененного результата

При *л*-причастии глагола *быти* Перфект II в форме действительного залога (34 примера) передает в идиоме Даниила значение отмененного результата в специфическом контексте ‘В *Z*-е вначале было *p*, но затем

Таблица 10

Перфект II в «Хожении игумена Даниила»: глагол *быти* и пассив

	Глагол БЫТЬ в действительном залоге		Страдательный залог	
Тип глагола	непереходный бытийный (<i>БЫТИ</i>)		Переходный	
Доля высказываний с дистантным порядком компонентов перфекта	47% (16/34)		25% (75%)	
Наличие подлежащего	+ SUBJ		+ SUBJ	
Позиция связки	Связка в не энклитической позиции	Связка внутри клаузы	Связка в не энклитической позиции	Связка внутри клаузы
Примеры	7	27	2	4
Доля субъектных клауз	100%	100%	100%	100%
Доля высказываний с дистантным порядком компонентов перфекта	85% (6/7)	37% (10/27)	100%	0%

стало $\sim p'$, ср.: *И то есть прѣвѣ было епископа (p)*, *ныѣ же есть монастырь латыньскый (~ p)* (Даниил, XC). В 6 примерах Даниил строит Перфект II в страдательном залоге, ср.: *И ту есть была на мѣсть том церкви создана клѣтски велика велми (p)*, *ныѣ же мала церквица (~ p)* (Даниил, XVII). Важный результат, подтверждающий то, что конструкция Перфекта II была в протографе текста Даниила, получен А. А. Пичхадзе, которая показала, что во второй и позднейших редакциях «Хождения Даниила» конструкция с *л*-причастием глагола *быти* типа *есть была X* систематически устранялась переписчиками, не чувствующими ее особой семантики [Пичхадзе 2023]. В плане семантического описания значение отмененного результата, по-видимому, можно считать контекстной реализацией экзистенциально-локативного значения при *л*-причастии непереходного ставного глагола.

Значение отмененного результата обычно связывают с не книжным, или ‘русским’, плюсквамперфектом, т. е. комбинацией служебного компонента *был* с *л*-причастием, ср. *X был населил, был создал* [Петрухин, Сичинава 2006; 2008; Шевелева 2009]. Эту конструкцию Даниил тоже использует, но значительно реже (3 примера). Преимуществом русского плюсквамперфекта является то, что эта конструкция возможна во всех трех лицах, ср. *населил* ¹*есмь был*, *населил* ²*еси был*, *населил* ³*Ø был* как при непереходном, так и при переходном глаголе. То, что Даниил в 3-го л. не строит русский плюсквамперфект со связками *есть* или *суть*, т. е. не порождает предложений типа **Ханаонъ населилъ есть былъ землю всю ту*, подтверждает гипотезу о том, что конструкция русского плюсквамперфекта строилась на основе энклитических форм связок и цепочек энклитик [Зализняк 2008: 40; Циммерлинг 2019], в то время как Перфект II требовал ударной связки. Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. при *л*-причастии глагола *быти*, по-видимому, был невозможен.

5.1.2. Связка 3-го л. в неэнклитической позиции

Другим подтверждением ударности связок 3-го л. в Перфекте II служит то, что в 11 случаях Даниил ставит их после начальной проклитики *и* в позицию, недоступную для канонических энклитик. Такие употребления возможны как при *л*-причастии глагола *быти*, ср. контекст (22), где выражается значение отмененного результата, — ‘город Т. некогда был велик, но перестал быть таким теперь’, так и при *л*-причастии глаголов иной семантики, ср. *выросль* в (23) — контекст не предполагает, что дуб больше не стоит на данном месте. Наконец, связка 3-го л. в неэнклитической позиции возможна в страдательном залоге, ср. *есть создана была* в примере (24).

(22) **И** *есть*_{3SG} **был**_{AUX.PAST.SG.M} град_{NOM.SG.M} Тивириада великъ велми (Даниил, LXXXII);

(23) **И** *есть*_{3SG} посредѣ помоста того **выросль**_{SG.M} дуб-от_{NOM.SG.M} святой, ис камени того, дивень *есть* (Даниил, LV);

- (24) **И** *есть*_{3SG} нынѣ на мѣстѣ том **создана**_{PART.SG.F} **была**_{AUX.PAST.SG.F} церькви_{NOM.SG.F} вверхъ (Даниил, LXII).

Один пример со связкой *есть* после начальной проклитики *и* засвидетельствован в тексте Антония при *л*-причастии возвратного глагола *явиться*, см. (11) выше.

5.1.3. Дистантная позиция ударной связки в Перфекте II

При связках 3-го л. в позиции, доступной для энклитик, Перфект II с *л*-причастием глагола, отличным от *быти*, может быть отделен в идиоме Даниила от Перфекта I по следующему критерию. В Перфекте I связки *есть* и *суть* стоят контактно с *л*-причастием (всего 18 примеров), а в Перфекте II (всего 10 примеров) они расположены дистантно. Обычно связка Перфекта II стоит на левой периферии клаузы, а *л*-причастие отодвинуто вправо. Валидность этого критерия подтверждается тем, что все контексты с дистантным расположением связки и *л*-причастия глагола, отличным от *быти*, у Даниила семантически прозрачны и соответствуют стандартным характеристикам экзистенциально-локативного или верификативного значения, в то время как контексты с контактным расположением связки и *л*-причастия глагола, отличным от *быти*, семантически непрозрачны. Не вполне ясно, применим ли этот линейный критерий к другим идиомам XII в., где была конструкция Перфекта II.

5.1.4. Перфект I–II от переходных глаголов

При реализации верификативного значения ‘Имеются альтернативы *p* и $\sim p$. На самом деле случилось *p*’ Перфект II может строиться и от переходного глагола. Для Перфекта I переходность/непереходность не является ограничительным фактором: доля переходных глаголов зависит от тематики текста. У Даниила коэффициент переходности, т. е. доля перфектных клауз с причастием переходного глагола для Перфекта I с ненулевой связкой, равен $k_{\text{Trans}} = 27,8\%$ (5/18), для примеров с нулевой связкой $k_{\text{Trans}} = 41,66\%$ (25/60). Для Перфекта II статистики нет, имеется всего один пример *л*-причастия переходного глагола в Перфекте II, см. (25). Тем не менее можно отметить, что для Перфекта II употребления переходных глаголов нехарактерны.

- (25) То **было**_{AUX.PAST.SG.N} мѣсто_{NOM.SG.N} святое **опустѣло**_{SG.N} прѣвѣе, нынѣ же **фрязи**_{NOM.PL} **обновили**_{PL} мѣсто то **суть**_{3PL} и **устрои**_{PL} добръ (Даниил, ХСVIII).

5.1.5. Линейная диагностика Перфекта I и Перфекта II в тексте Даниила

Таблица 11 показывает, что из 18 клауз Перфекта I, имеющих в тексте Даниила ненулевую связку 3-го л., 16 являются подлежащими (88,88%).

Доля переходных глаголов во всех клаузах составляет 23,22% (4/18). Из 10 клауз Перфекта II подлежащее имеют 9 (90%), доля переходных глаголов во всех клаузах составляет 25% (2/10). Релевантными, помимо дефиниционного признака — контактная (Перфект I) vs. дистантная (Перфект II) позиция связки и *л*-причастия, — является доля примеров с препозицией. В Перфекте I Даниил использовал препозицию связки *л*-причастия всего дважды (11,1%, 2/18), в то время как в Перфекте II он обычно ставит ударную связку в препозицию (80%, 8/10).

Таблица 11

Перфект II при *л*-причастии глагола, отличного от *быти*, и Перфект I в предложениях с ненулевой связкой 3-го л. во внутриклаузальной позиции, по тексту «Хождения игумена Даниила»

Наличие подлежащего	Перфект I		Перфект II	
	+ SUBJ	-SUBJ	+ SUBJ	-SUBJ
Всего примеров	16	2	8	1
Порядок компонентов	контактный	контактный	дистантный	дистантный
доля препозиции связки	2/16 (12,5%)	0/2 (0%)	7/9 (77,8%)	0/1 (0%)
доля переходных глаголов	3/16 (18,75%)	1/2 (50%)	2/8 (25%)	0/1 (0%)

Тот факт, что связки 3-го л. в Перфекте II чаще стоят в препозиции, предсказуем. Ударные связки, выражающие экзистенциально-локативную или верификативную семантику, тяготеют к началу клаузы и могут отделяться от *л*-причастия коммуникативно более ценными элементами. Напротив, связки 3-го л. Перфекта I образуют с *л*-причастием тесное грамматическое единство [Хабургаев 1978; Шевелева 2006: 224–225]. В соответствии с этим Даниил обычно ставит их в контактную постпозицию глаголу.

5.2. Перфект II в идиомах четырех авторов XII в.: сводная статистика

Сводная статистика 59 употреблений Перфекта II в текстах Даниила, Кирика, Ильи-Иоанна и Антония дана в Таблице 12.

В Таблице 12 учтены девять амбивалентных примеров у новгородских авторов, которые можно альтернативно истолковать как Перфект I. В отдельном столбце указаны данные по возвратным глаголам. Все соответствующие примеры выражают экзистенциально-локативное значение типа «В месте Z возник X». 53 из 59 примеров Перфекта II (89,8%) имеют клаузальное подлежащее. Та же пропорция характерна для распределения примеров с непереходными и переходными глаголами. Признак «– переходность» коррелирует с признаком «+ подлежащность». Все 5 примеров бесподле-

Таблица 12

Перфект II в текстах древнерусских писателей XII в.

	Пассив	Экзистенциально-локативное значение						Верификативное значение				Всего
		<i>БЫТИ</i>		ПРОЧИЕ ГЛАГОЛЫ				Нпрх. невзр.		Прх.		
				Взвр.	Нпрх. Невзр	Прх.						
Наличие подлежащего	+	+	–	+	+	+	–	+	–	+	–	
Даниил	6	34	–	4	3	2	–	–	1	–	–	50
Кирик	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	3	5
Илья-Иоанн	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	2
Антоний	–	–	–	2	1	–	–	–	1	–	–	4
	6	34	0	6	4	2	0	1	2	1	4	59

жащных клауз с Перфектом II от переходных глаголов обнаружены у новгородских авторов. Из выборки нельзя установить, какой из двух признаков Перфекта II был приоритетным, поскольку идиомы новгородских и южнорусских авторов XII в. имеют разные настройки параметра *pro-drop*: как показано выше в разделе 4, новгородцы часто опускают подлежащее там, где Даниил и Мономах его обычно употребляют.

5.2.1. В е р и ф и к а т и в н ы е к о н т е к с т ы

Верификативное (или фальсификативное) значение устанавливается в пяти примерах с *л*-причастием переходного глагола, см. (26)–(30):

- (26) Лжють, рече — **не молвилъ**_{SG.M} **есть**_{3SG} **того** никоторыи же еписѣпъ_{NOM.SG.M} («Вопрошание Кириково», К87)
‘Это *ложь*, — сказал (Нифонт), — **да не говорил такого** ни один епископ’;
- (27) а простіи _{ACC.SG.M} Богъ, яко неправдоу **есть**_{3SG} **молвилъ**_{SG.M} («Почучение Ильи-Иоанна», 18)
‘Да простит его Бог, ведь он (человек, который объявил о том, что хочет сложить с себя сан, хотя на самом деле не хотел) **таким образом неправду**’;
- (28) дѣяти_{DAT.SG.N}, аще и **съсало**_{SG.N} **есть**_{3SG.N}, яко накалиши оустыца, повели дати съсати («Вопрошание Кириково», К48)
‘Если даже дитя **уже пососало** мать, как накапаешь в рот, вели матери дать сосать’;
- (29) а силце того дела **есть**_{3SG} **поставилъ**_{SG.M} (Там же, К87)
‘Если он **поставил силок специально** для того, чтобы съесть мясо убитого животного, (то следует наказание);
- (30) еже **есть**_{3SG} **изблевалъ**_{SG.M} (Там же, К1)
‘А то, что (человек уже) **выблюнул**’.

Кроме того, верификативное/фальсификативное значение восстанавливается в одном примере с непереходным глаголом, ср.:

- (31) А се паки **пришелъ**_{3SG.M} **есть**_{3SG} великы постъ_{NOM.SG.M}, въ нъже бы достойно первѣе намъ вътягнути[ся] самѣмъ отъ питъа отиноудъ («Почучение Ильи-Иоанна», 18)
‘А вот **опять же, пришел великий пост**, в который нам самим следует, в первую очередь, перестать пить’.

5.2.2. Э к з и с т е н ц и а л ь н о - л о к а т и в н ы е к о н т е к с т ы

Экзистенциально-локативное значение выражается во всех 34 примерах Перфекта II с *л*-причастием глагола *быти* и в 6 примерах Перфекта II в страдательном залоге. Все примеры этой группы обнаружены у Даниила. В новгородских памятниках аналогов им нет.

Экзистенциально-локативное значение с высокой вероятностью выражается в новгородских памятниках в двух контекстах с *л*-причастием возвратного глагола, см. (33)–(34). В тексте Даниила имеются три аналогичных примера, см. (35)–(37).

- (32) аще **есть**_{3SG} въ покаанїи безъ шпитемии **вчисти́ла**_{SG.F.=ся_{REFL}} («Вопрощание Кириково», К48)
 ‘Если **имеется** такая женщина, которая пребывает в покаянии без наложенной на нее епитимии’;
- (33) И странъ ея жил_{SG.M} Конъстантин_{NOM.SG.M}, и **есть**_{3SG} в теле **явил_{SG.M.=ся_{REFL}}** цареви (Антоний)
 ‘И около нее жил Константин, (с которым связано чудо). Он после смерти предстал царю в телесном обличии’;
- (34) И у того гроба **есть**_{3SG} кандило_{NOM.SG.N} **пало_{SG.N.=ся_{REFL}}** с маслом на мрамор (и не разбилося) (Антоний)
 ‘У того гроба (случилось чудо), и кадило с маслом упало (с высоты) на мрамор, но не разбилося’;
- (35) И **есть**_{3SG} предъ градомъ тѣмъ полще_{NOM.SG.N} красно **уродило_{SG.N}** =**ся_{REFL}** на версѣ горы тоя (Даниил, XC);
- (36) И ту **есть**_{3SG} гора_{NOM.SG.F} камена плоска **просѣла_{SG.F.=ся_{REFL}}** в распятие Христова; то зоветься Адъ; (Даниил, XI);
- (37) И та бо **суть**_{3PL} врата_{NOM.PL.N} **остала_{NOM.PL.N.=ся_{REFL}}** толко ветхаго здания, ти и столпъ Давыдовъ, а ино здание все ново **есть** (Даниил, XX).

К этой же группе относятся еще два примера Перфекта II в «Хождении Антония», которые представлены только в древнейшем списке этого памятника — Списке Яцимирского (XV в.): в списке XVI в., изданном Х. М. Лопаревым, вместо них стоят формы аориста. Примеры (38) и (39) не учтены в сводной статистике в Таблицах 1–12, но их стоит привести, поскольку они идеально соответствуют каноническому для Перфекта II варианту экзистенциально-локативного значения — значению отмененного результата. В рассказе о двух святых Антоний говорит, что вначале они обладали свойствами, несоответствующими шансам спастись (*X* был некрещеным евреем, а *Y* — замужней женщиной), однако затем спаслись и вот теперь почитаются, как святые.

- (38) а той ко₁стантинъ_{NOM.SG.M} первое жидовин **быль_{SG.M}** **крестил_{SG.M}** =**ся_{REFL}** **е_{3SG}** и наоучень ѿ₂ Стефана новаго (Антоний)³⁴;

³⁴ В списке, изданном Х. М. Лопаревым: а тої конъстантїи^(H) . перпее^(sic) жидови^(H) бѣ_{3SG.IMP} и ї крѣщся_{3SG.AOR} . ї науче^(H) бы^(C) о(т) стефана новаго.

- (39) та_{NOM.SG.F} же за моужемъ **была**_{SG.F}, но мил^стынею и добрымъ жить-емъ **спл^са**_{SG.F} [=ся_{REFL}] е^с_{3SG} (Антоний)³⁵.

Замена Перфекта II в контекстах (39) и (40) книжными формами аориста с большой вероятностью свидетельствует о том, что многие писцы XVI в. уже не понимали этой древнерусской конструкции.

5.2.3. Амбивалентные контексты

Два примера Перфекта II с л-причастием непереходного невозвратного глагола допускают экзистенциально-локативную или верификативную интерпретацию с равной вероятностью.

- (40) у негоже привязаа был святой мученик Исидор_{NOM.SG.M}, и с тем столпом **вышел**_{SG.M} **есть**_{3SG} из моря (Антоний).

Контекст (40) — рассказ о святых Царьграда — благоприятствует экзистенциально-локативному прочтению: 'Вот столп святого мученика Исидора. С ним связано чудо: привязанный к этому столпу Исидор вышел из моря'. Однако возможно и верификативное прочтение: 'Исидор действительно вышел из моря, привязанный к этому столпу'. Еще один амбивалентный контекст имеется у Даниила, см.:

- (41) и ту **есть**_{3SG} Павелъ_{NOM.SG.M} апостоль **приходил**_{SG.M} (&и **научил**_{SG.M} ту страну всю и **крестил**_{SG.M}) (Даниил, IV).

Контекст (41) в тексте Даниила связан с перечислением святых мест и приуроченных к ним событий. Это благоприятствует экзистенциально-локативному прочтению: 'Именно сюда приходил Павел, имел место факт прихода Павла на это место'. Вместе с тем не исключено и верификативное прочтение: 'Апостол Павел действительно посещал это место и крестил здешний народ'.

5.2.4. Контексты памятников и значение конструкции Перфекта II: выводы

Экзистенциально-локативные и верификативные смыслы не исключают друг друга в Перфекте II от непереходного глагола. Примеры Перфекта II с переходным глаголом в форме действительного залога допускают только верификативную интерпретацию. Большинство контекстов памятников могут трактоваться как прототипические либо для экзистенциально-локативного, либо для верификативного значения, поэтому альтернативная гипотеза для объяснения этих контекстов не нужна. Амбивалентными можно признать 2 примера из 59 (3,4%), указанные в п. 5.2.3. Сводные данные представлены в Таблице 13.

³⁵ В списке, изданном Х. М. Лопаревым: но милостынею ї добры^(М) житие^(М) . сп^(с)_{3SG.AOR}=ся_{REFL}.

Таблица 13

Прототипические и амбивалентные контексты Перфекта II

	Даниил		Кирик, Илья-Иоанн, Антоний ³⁶	
	Прототипические контексты	Амбивалентные контексты	Прототипические контексты	Амбивалентные контексты
Глагол <i>быти</i>	34	0	0	0
Прочие переходные глаголы	8	1	4 ³⁷	1
Пассив	6	0	0	0
переходные глаголы	2	0	5	0

6. Возвратные глаголы в Перфекте I и Перфекте II

Разная комбинаторика связок Перфекта I и Перфекта II может быть проверена по их взаимодействию с возвратной клитикой *ся*. Даниил является единственным автором из пяти, который использует ненулевую связку 3-го л. при *л*-причастии возвратного глагола и в Перфекте I, и в Перфекте II. Три примера Перфекта II с *л*-причастием возвратного глагола, взятые из текста Даниила, уже были приведены выше в п. 5.2.2, см. (35)–(37). Далее Перфект I рассматривается с точки зрения корреляции между возвратностью глагола и выбором ненулевой связки 3-го л. в «Хожении Даниила». Даниил строит Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. 18 раз. Во всех этих примерах диагностическая семантика Перфекта II отсутствует. По исходной гипотезе, отсутствие экзистенциально-локативного и верификативного значений должно коррелировать с атонируемостью связки 3-го л. и ее внутриклаузуальной позицией. Этот прогноз оправдался, однако для проверки атонируемости/отсутствия логического акцента на связке 3-го л. требуется дополнительный критерий. Текст Даниила его предоставляет.

6.1. Кластеризация возвратной клитики в Перфекте I

В 10 примерах Перфекта I из 18 (55,55%) в «Хожении Даниила» глагол является возвратным. Возвратное местоимение *ся* обладает полнотой свойств энклитик [Зализняк 1993: 285]. Типологический прогноз состоит в том, что при наличии двух и более слабоударных элементов, один из которых — стандартная фонетическая клитика, а другой может атонироваться,

³⁶ По изданию Х. М. Лопарева [1899].

³⁷ По Списку Яцимирского — всего 6, с учетом примеров (38) и (39).

но не обладает полнотой свойств фонетических клитик, более вероятно их контактное расположение в фиксированном порядке, особенно в том случае, если язык имеет кластеризуемые клитики [Циммерлинг 2021: 490–493]. Древнерусский язык подчиняется закону Ваккернагеля, согласно которому кластеризуемые элементы помещаются во вторую позицию от начала предложения или позицию, к ней приравненную.

Для энклитики *ся* и связок 3-го л. индикатива глагола *быти* кластеризуемым порядком может быть только последовательность REFL AUX, т. е. *ся есть*, *ся суть*, *ся еста*, т. к. в древнерусской системе порядка слов элементы, представляющие поздние слои клитизации, присоединяются к правому краю уже сформировавшейся жесткой последовательности кластеризуемых клитик [Циммерлинг 2002: 82; 2021: 460; Зализняк 2008: 51]. Иными словами, клитика *ся* и другие клитики, обладающие сопоставимой со связками 3-го л. комбинаторикой, должны притягивать к себе атонируемые элементы типа *есть*, *суть*. Аналогично должны упорядочиваться последовательности *ся* + связочные клитики 1–2-го л. *есмь*, *еси*, *есмь*, *есте*, *есвѣ*, *еста*. Этот прогноз оправдался. Контактная последовательность *ся есть/суть* реализуется у Даниила в 9 из 10 клаузах с Перфектом I в 3-м л. В восьми примерах *ся* — и, соответственно, вся последовательность *ся есть* — стоит в постпозиции *л*-причастию, см. (42)–(49).

- (42) якоже и Христос_{NOM.SG.M} в полунощи крестил_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG} (Даниил, XXXVI);
- (43) и в той пещерѣ постил_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG} Христос_{NOM.SG.M} Богъ наш 40 дний (Даниил, XXXIX);
- (44) и на той горѣ пророк Моисий_{NOM.SG.M} преставил_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG}, видѣвъ Землю обѣтованую (Даниил, XXXVI);
- (45) Вѣтъви_{NOM.PL} *же* его близ земли приклонили_{SG.M=сяREFL} **суть**_{3PL} (Даниил, LV);
- (46) В том *же* дому Иоаннъ_{NOM.SG.M} Предтеча родил_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG} (Даниил, LXII);
- (47) Фаворская *же* гора_{NOM.SG.F} чудно и дивно, и несказанно, и красно уродила_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG} (Даниил, LXXXIX);
- (48) гора_{NOM.SG.F} та уродила_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG} красно (Даниил, LXXXIX);
- (49) и на том мѣстѣ преобразил_{SG.M=сяREFL} **есть**_{3SG} Христос_{NOM.SG.M} Богъ нашъ (Даниил, LXXXIX).

Неавтоматическая постпозиция *ся*, т. е. контактная позиция *ся* после нена начального глагола, является обычной для древнерусского языка XII в. Это так называемый порядок с барьером, в терминах А. А. Зализняка, когда энклитика отодвигается вправо и ставится после нена начального глагола, образуя с ним контактную последовательность ...V + CL внутри клаузы.

Теоретически возможна и неавтоматическая дистантная постпозиция *ся*, если между глаголом *ся* вклинивается другая кластеризуемая энклитика, ср. *приклонили же ся суть*. В данной выборке подобных примеров нет. Однако в начале XII в. была еще допустима и препозиция *ся*, особенно после начального местоименного слова типа *ту* ‘здесь’, см. (50).

- (50) *ту ся_{REFL} суть_{3PL} родили_{PL} святии пророци_{NOM.PL}* (Даниил, LIX)
‘Здесь родились святые пророки’.

Связку *суть* в примере (50) правомерно считать атонируемым элементом и приравнять последовательность *ся суть* к цепочке клитик, ср. в 1-м л. мн. ч. *ту ся есмь родили* ‘мы тут родились’. Если определять контактную последовательность не по позиции самой клитики *ся*, а по позиции цепочки, куда она входит (*ся есть*, *ся суть*, *ся еси* и т. п.), во всех девяти примерах цепочка *ся есть/суть* стоит контактно с *л*-причастием. Этого достаточно, чтобы подтвердить гипотезу о том, что связки *есть* и *суть* в Перфекте I в идиоме Даниила атонировались или не несли логического акцента. В противном случае они не стояли бы контактно с клитикой. В десятом примере клитика *ся* и связка *есть* стоят по разные стороны *л*-причастия, см. (51).

- (51) От того, идеже *ся_{REFL} крестил_{SG.M} есть_{3SG}* Христос_{NOM.SG.M} (Даниил, XXXII)
‘От того места, где крестился Христос’.

Таким образом, прогноз оправдался в 9 случаях из 10 (90%).

6.2. Возвратные глаголы в Перфекте I при нулевой связке 3-го л.

Проверим теперь соотношение возвратных и невозвратных глаголов при нулевой связке 3-го л. Таких примеров у Даниила 11, в трех случаях из них *ся* стоит препозитивно.

- (52) *и ту в той хранинѣ ∅^{3P} преставила_{3SG.F=ся_{REFL}} святаа Богородица_{NOM.SG.F}* (Даниил, XLIII);
- (53) *И то_{NOM.SG.N} все_{NOM.SG.N} ся_{REFL} ∅^{3P} дѣяло_{3SG.N}* в дому Иоанна Богословца (Даниил, XLII)³⁸.

³⁸ Анонимный рецензент указывает на то, что данный пример из текста Даниила имеет две точные формульные параллели из поздних берестяных грамот № 521 и 154 (начало XV в.): *а то се делло... .. днѣ межи гор(а)ми горками...* (Б.гр. № 521, ок. 1400–1410 гг.) и *а то са дикалось се-днѣ во велики днѣ... а то дикалось на погостѣ на торгѣ* (Б.гр. № 154, ок. 1420–1430 гг.). Грамота Б.гр. № 154, сохранившаяся полностью, является протоколом суда. Значение данной формулы может быть интерпретировано так: ‘Подтверждается, что событие *p* действительно имело место в локусе *L* (в период *t*)’. Даниил дважды прибегает к этой формуле в рассказе о библейских событиях. См. второй контекст: *(И ту есть был домъ Иосифовѣ, и где то есть пещера та святаа): все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ, обрученика*

Для возвратных глаголов в тексте Даниила вероятность употребления ненулевой связки 3-го л. в Перфекте I составляет 47,6% (10 из 21), вероятность контактной реализации *ся* и связки 3-го л. — 42,8% (9 из 21). Всего Даниил употребляет Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. 18 раз при 72 примерах с нулевой связкой. Вероятность появления в Перфекте I ненулевой связки 3-го л. при невозвратном глаголе в его идиоме гораздо ниже: всего 8 случаев из 69 (15,9%). Тем самым Перфект I с ненулевой связкой 3-го л. в идиоме Даниила похож на реликтовое явление, которое лучше сохранилось при возвратных глаголах. Но и тут ненулевая связка, скорее всего, была факультативна, см. выше *Иоанн Предтеча родился есть* в (46) и аналогичный пример с нулевой связкой:

- (54) и на том мѣстѣ \emptyset^{3P} **родил**_{SG.M}=**ся**_{REFL} Христос_{NOM.SG.M} Богъ нашъ (Даниил, XLIX).

Нелепо предполагать, что рождение Иоанна Предтечи было для Даниила более возвышенным сюжетом, чем рождение Христа, и что там, где он использовал в Перфекте I ненулевую связку 3-го л., он внезапно вспомнил книжную грамматику, а в других местах ее запомнил.

6.3. Возвратные глаголы в Перфекте II

Иную картину показывает ударная связка 3-го л. в Перфекте II. Здесь Даниил, кроме *л*-причастий глагола *быти*, 10 раз использует другие глаголы: 4 из них являются возвратными. Ни в одном из примеров ударное *есть* не стоит рядом с *ся*, которое занимает контактную постпозицию глаголу, в то время как ударное *есть* стоит либо в начале клаузы — один пример, см. (55), либо после первого ударного слова/тактовой группы. В примерах (55)–(58) полужирным в записи вида $|^n \mathbf{W}_1 \mathbf{W}_n |$ выделены полноударные элементы, отделяющие связки *есть/суть* от возвратного глагола: число ударных словоформ варьирует от одной, см. (57), до девяти, см. (58).

- (55) И ***есть***_{3SG} $|^4$ **пред градом тѣм полце**_{NOM.SG.N} **красно** | **уродило**_{SG.N} =**ся**_{REFL} на версѣ горы тоя (Даниил, XC);
- (56) И ту ***есть***_{3SG} $|^3$ **гора**_{NOM.SG.F} **камена плоска** | **просѣла**_{SG.N}=**ся**_{REFL} в распятие Христво; то зоветься Адъ (Даниил, XI);
- (57) И та **бо** ***суть***_{3PL} $|^1$ **врата**_{NOM.PL.N} | **остала**_{3PL.N}=**ся**_{REFL} толко ветхаго здания, ти и столпъ Давыдовъ, а ино здание все ново **есть** (Даниил, XX);
- (58) И ту ***есть***_{3SG} $|^9$ **близь под градомъ тѣм къ востоку лицъ пещера**_{NOM.SG.F} **дивна крестным образом** | **уродила**_{SG.N}=**ся** (Даниил, LXXXVIII).

Мариина (Даниил, ХСVI). Трудно сказать, было ли варьирование порядков слов *вся ся то дѣяло* ~ *то все ся дѣяло* в протографе текста Даниила или же оно внесено переписчиками. В XII в. были возможны оба порядка.

В (57) между связкой *суть* и начальным ударным словом *та* вставлена энклитика *бо* ‘потому что’, ‘дело в том, что’. Порядок *бо суть* соответствует древнерусскому правилу рангов энклитик, при этом элементы *бо суть* разрывают начальную группу *та врата* ‘те ворота’. Это является доводом в пользу признания за *суть* в (57) некоторых свойств синтаксической клитики. Вместе с тем дистантная позиция *суть* и других частей глагольного комплекса — *л*-причастия и клитики *ся* — говорит о том, что *суть* не обладает свойствами фонетической клитики. То же самое подтверждает пример (55), где связка *есть* стоит после начальной проклитики *и*, т. е. в позиции, которую стандартные древнерусские энклитики занимать не могут.

Аналогичный синтаксис имеют три примера предполагаемого Перфекта II от возвратного глагола в текстах новгородских авторов. Повторим примеры (34)–(36) в уточненной нотации:

- (59) аще *есть*_{3SG} |² **въ покааніи безъ шпитемии** | *шчисти*_{3SG.F} = *с*_{REFL}
 («Вопрошание Кириково», К48)
 ‘Если **имеется** такая женщина, которая пребывает в покаянии без наложенной на нее епитимии’;
- (60) И странъ ея жил_{SG.M} Коньстянтин_{NOM.SG.M}, и *есть*_{3SG} |¹ **въ теле** | *явил*_{SG.M} = *с*_{REFL} **цареву** (Антоний)
 ‘И около нее жил Константин, **с которым связано чудо**. Он после смерти предстал царю в телесном обличии’;
- (61) И у того гроба *есть*_{3SG} |¹ **кадило**_{NOM.SG.N} | *пало*_{SG.N} = *с*_{REFL} **с маслом на мрамор** (и не разбилось) (Антоний)
 ‘У того гроба **случилось чудо**, и кадило с маслом упало (с высоты) на мрамор, но не разбилось’.

Новгородские примеры (59)–(61) менее доказательны, поскольку у новгородских авторов нет Перфекта I с *л*-причастием возвратного глагола и ненулевой связкой 3-го л. и, возможно, нет Перфекта I с ненулевой связкой вообще. Однако отсутствие контактного порядка *ся есть* во всех семи примерах Перфекта II с *л*-причастием возвратного глагола согласуется с гипотезой об ударности связок *есть*, *суть* в Перфекте II.

6.4. Ударные и безударные связки при *л*-причастии возвратных глаголов

Сводные данные о кластеризации связки *ся* в Перфекте I и Перфекте II дает Таблица 14. Данные по новгородским авторам приведены с учетом двух дополнительных примеров Перфекта II из «Хождения Антония», которые дает Список Яцемирского: *крестился есть*, см. полный контекст в (38), и *спасла(ся) есть*, см. полный контекст в (39). Статистика в правой части таблицы скудна, но на возвратные глаголы приходится чуть менее половины общего числа примеров Перфекта II у новгородских авторов.

Таблица 14

**Связки 3-го л. в перфектных клаузах с возвратным глаголом
в русском языке XII в.**

	Даниил		Кирик, Илья-Иоанн, Антоний	
	Перфект I	Перфект II	Перфект I	Перфект II
Кластеризация связки и <i>ся</i>	9/10 (90%)	0/4 (0%)	Отсутствует	0/5 (0%)
Кластеризация связки и других клитик	–	–		1
Порядок ... V + REFL	8/10 (80%)	0		0/5 (0%)
Порядок ...AUX V	1/10 (10%)	4/4 (100%)		3/5 (75%)

Данные в Таблице 14 подтверждают, что ненулевая связка 3-го л. в тех древнерусских идиомах XII в., которые сохранили ее в Перфекте I (Даниил), имела свойства атонируемого синтаксического элемента, что повышало вероятность кластеризации при порядке *ся есть/суть*, особенно — при неавтоматической постпозиции *ся*, т. е. постановке *ся* после нена начального глагола ...V REFL AUX, ср. *гора та уродилася есть, вѣтви его приклонилася суть*. Отсутствие или редкость сочетаний типа *ся есть* в тех древнерусских идиомах XII в., где Перфекта I с ненулевой связкой 3-го л. нет, может объясняться разными причинами — от ударности связок 3-го л. в конструкции Перфекта II до эволюции возвратной клитики *ся* в течение XII в.

**7. Конструкции с л-причастием и ударной связкой 3-го л. в
диахронической перспективе**

Диахроническое соотношение Перфекта I и Перфекта II неясно. Неочевидно, как именно расщепление перифрастической глагольной формы с л-причастием на две конструкции связано со сценариями грамматикализации результативных значений, освещаемыми в [Недялков 1983: 42–54; Майсак и др. 2016: 12–26], и с утратой имперфекта и аориста в живом древнерусском языке. Представляется маловероятным, чтобы конструкция Перфекта I была результатом десемантизации Перфекта II³⁹. Первая конст-

³⁹ В то же время нельзя полностью исключить вероятность того, что в Перфекте II остаточно сохраняется архаичное адъективное значение славянского л-причастия. Наличие у Перфекта II видо-временной специфики сравнительно с Перфектом I без дополнительного исследования неочевидно, поскольку Перфект I возможен при всех глаголах, при которых возможен Перфект II.

рукция универсальна, в ней связка является показателем лично-числового согласования при высокой степени обязательности связочных клитик 1–2-го л., лично-числовое значение 3-го л. может выражаться как материальной, так и нулевой связкой. Вторая конструкция — одноличная и преимущественно связана с непереходными глаголами. Развитие верификативных значений может отражать избыточность ненулевой связки 3-го л. в части славянских диалектов к началу письменной эпохи. Рассмотрим параллели из контрольной группы памятников и некоторых других текстов.

7.1. Следы Перфекта II в Новгородской первой летописи

Отмеченная А. А. Зализняком тенденция к дополнительному распределению подлежащего Перфекта I и ненулевых связок 3-го л. для языка XII в. — не общерусское явление, а результат вторичного грамматического процесса, когда дистрибуция связочных клитик как показателей лично-числового согласования проецируется в зону, где ненулевая связка избыточна. В контрольных фрагментах 1НПЛ, относящихся к 1132–1156 и 1204 гг., такая дистрибуция выдержана, но из-за малого числа примеров (10) трудно установить, имеем ли мы дело с Перфектом I или Перфектом II и существовал ли Перфект II в идиомах новгородских летописцев XII в. С учетом того, что Перфект II был у близких к ним авторов (Кирика и Ильи-Иоанна), это вероятно, но контексты неоднозначны. Так, фраза Нифонта '*не достоинѢ есть сталь*' (об избрании митрополитом Климента Смолятича без санкции Константинополя) (1НПЛ, под 1149 г.) может быть просто констатацией факта: 'Климента поставили митрополитом незаконно', и тогда это Перфект I. Но это может также быть верификативное суждение, обосновывающее отказ говорящего признать избрание X-а: 'Климент действительно избран незаконно, и поэтому я выражаю свое несогласие', и в этом случае это Перфект II. Ср. более полный контекст:

- (62) А Нифонтъ тако мълвляше: «*не достоинѢ есть*_{3SG} *сталь*_{SG.M} *оже не благословенъ*_{SG.M} *есть*_{3SG} *от великаго сбора, ни ставленъ*_{SG.M}» (1НПЛ, под 1149 г.).

Во фрагменте 1НПЛ под 1132–1156 гг. 8 примеров перфекта 3-го л. В единственном примере со связкой *есть* клаузальное подлежащее отсутствует, из 7 клауз с нулевой связкой внешне выраженное подлежащее есть в 2 примерах. Связки *есть*, *суть* во всех случаях стоят внутри клаузы. Во фрагменте 1НПЛ под 1204 г. всего два примера. При внешне выраженном подлежащем реализуется нулевая связка, см. (63а), а при невыраженном — стоящая внутрикаузально связка *есть*, см. (63б).

- (63) а. *Сего дужа* Ø^{3P} *слѣпиль*_{SG.M} *Мануиль*_{NOM.SG.M} *цесарь*_{NOM.SG.M} (1НПЛ, под 1204 г.);
 б. и *рекоша*_{AOR.3PL} *фрягомъ*: «*Умьрль*_{SG.M} *есть*_{3SG}; *придете и видите* _{ACC.SG.M}» (Там же).

Такая дистрибуция соответствует модели А. А. Зализняка, но пример со связкой *есть* допускает верификативное прочтение: ‘Х действительно умер, приходите и убедитесь в этом сами’. В таком случае (63b) — пример Перфекта II.

7.2. Берестяные грамоты

В берестяных грамотах нет явных примеров Перфекта II⁴⁰. Два спорных случая в 2004 г. упомянул А. А. Зализняк, как конструкцию с «избыточным» *есть* [2004: 181]. Наиболее интересна грамота № 603 (1160–1180 гг.), которая сохранилась целиком. В ней упомянуты исторически надежно идентифицируемые лица — смоленский князь Давыд Ростиславич (1142–1198), Мирошка Нездинич, новгородский посадник 1189–1203 гг., и Гречин. За написанием *есть посулили* может стоять как 2-е л. мн. ч. *есте* ‘⟨20 гривен, которые⟩ вы (мн. ч.) обещали’ — в данном случае это обычный Перфект I, так и 3-го л. ед. ч. *есть* — здесь это неопределенно-личное предложение с усилительным *есть* ‘⟨20 гривен, которые⟩ действительно были обещаны князю Давыду’. Во втором случае перед нами Перфект II с нарушением согласования в числе: л-причастие стоит во мн. ч., а связка 3-го л. — в ед. ч.

- (64) **Тяжа**_{NOM.SG.F} **ваша**_{POSS.2L}. Нынеча жена_{NOM.SG.F} моя **заплатила**_{SG.F}
:к: гривнь оже **есть**_{AUX.3SG/ AUX.2PL} **посулили**_{PL} двѣдѣви кн(ѣю)
(Б.гр. № 603, 1160–1180 гг.)
‘Тяжба — ваша. Теперь моя жена заплатила 20 гривен, которые **вы посулили** князю Давыду’
или:
‘Тяжба — ваша. Теперь моя жена заплатила 20 гривен, которые **действительно были обещаны** князю Давыду’.

С учетом полученных в настоящей статье новых данных о Перфекте II в древнерусском языке XII в. следует предпочесть первую гипотезу и интерпретировать *есть* в гр. № 603 как 2-е л. мн. ч. = *есте*, а всю конструкцию — как Перфект I. Ни в одном из 59 примеров Перфекта II, документированных текстами Даниила, Кирика, Ильи-Иоанна и Антония, нарушения согласования в числе нет. Кроме того, из 59 примеров Перфекта II лишь один является безличным предложением, а неопределенно-личных предложений нет в выборке вообще. Дополнительным подтверждением служит то, что

⁴⁰ Согласно описанию А. А. Зализняка [2004: 180], в берестяных грамотах нет и Перфекта I. Пример из Б.гр. 736а (ок. 1100–1120 гг.) [*и* *есть*_{AUX.3SG} *саме в[ь]хоу [ли]хв[оу]* *вѣд[але]*_{3SG.M} ‘отдал ли он сам всю лихву’ А. А. Зализняк трактует как конструкцию с «избыточным *есть*», усматривая здесь оттенок ‘дело обстоит так, что...’ [Там же]. Однако контекст не является верификативным — говорящий (*Павел*) как раз не знает, отдал ли *У* всю лихву или нет, и просит адресата это выяснить. Грамота требует дополнительного анализа.

автор грамоты № 603, некто *Смолиг*, обращаясь к двум адресатам — новгородским боярам *Мирьславу (Мирошке Нездичу)* и *Гречину*, — перешел с дв. ч. на мн. ч. Контролер лично-числового согласования восстанавливается из предыдущих клауз, ср. форму притяжательного местоимения *ваша*_{POSS.2PL} в *тяжа ваша* ‘Тяжба — ваша’⁴¹. Эти соображения не устраняют альтернативную гипотезу полностью, но делают ее маловероятной. Чтобы усмотреть в (64) Перфект II, нужно постулировать ad hoc сразу две аномальные для этой конструкции черты.

Сохранившаяся фрагментарно грамота № 252 (ок. 1360–1380 гг.) относится к другой эпохе. К концу XIV в. историческая форма 3-го л. ед. ч. *есть* могла использоваться и по отношению к другим лицам и числам [Шевелева 2001: 210–211; Циммерлинг 2021: 31]. Она содержит отрезок с двумя связочными *есть*, который допускает двойное толкование либо как Перфект I во 2-м л. мн. ч., либо как несогласуемый Перфект II. В переводе (65) на современный русский язык мы передаем верификативный смысл, соответствующий реконструкции Перфекта II, добавлением частицы *-то*.

- (65) [Снох]у *есть*_{AUX.2PL/AUX.3G} у мьн-ь *убилѣ*_{PL} а живото *есть*_{AUX.2PL/AUX.3G} у мьнъ *розграбилѣ*_{PL} лѣзни_{NOM.PL} (Б.гр. № 252, ок. 1360–1380 гг.)
 ‘Мою сноху-то **побили**, а мое имущество-то бродяги **пограбили**’
 или:
 ‘**Вы побили** мою сноху и пограбили мое имущество’.

К сожалению, грамота не дошла до нас полностью, а свои обиды ее автор записал сбивчиво⁴². А. А. Зализняк, В. Л. Янин и А. А. Гиппиус предпочитают чтение с верификативным *есть* [Янин и др. 2015: 217–218]. С нашей точки зрения, оно вероятно, но контекст не позволяет исключить толкование с согласуемым *есте* в первой клаузе примера (65) или даже полную фонетическую контаминацию форм *есть* и *есте* в идиоме автора грамоты № 252.

М. Н. Шевелева [2019] обратила внимание на наличие в берестяных грамотах кратких форм 3-го л. *е* и *су*. Распределение *есть* ~ *е*, *суть* ~ *су* в церковнославянских памятниках русского происхождения, по гипотезе О. Ф. Жолобова, может быть близко к распределению исторических форм

⁴¹ В плане историко-филологической интерпретации эта фраза допускает разные толкования, т. к. неясна роль Смолига. Он мог быть как доверенным лицом адресатов грамоты Мирослава и Гречина, так и их противником, который словами ‘тяжа — ваша’ признал свое поражение в тяжбе и выплатил положенную сумму. Для синтаксического анализа отрезка *оже есть посоулили* эта информация нерелевантна.

⁴² Комментаторам для удовлетворительного прочтения грамоты № 252 пришлось допустить, что ее автор в отрезке *ма*_{1SG.ACC} *въ плицѣ*, следующим непосредственно после слов *розграбилѣ*_{PL} *лѣзни*_{NOM.PL} ‘разграбили бродяги’, не записал повторно глагол *розграбилѣ*, имея в виду структуру *розграбилѣ*_{PL} *ма в плицѣ* ‘они разграбили меня в суматохе (или: в Плице)’, т. к. местоименная энклитика *ма* не может стоять в начале клаузы [Янин и др. 2015: 218].

презенса с окончанием **-ti*, ср. древнерусские формы на *-ть* типа *придеть*, и исторических форм инъюнктива с окончанием **-t*, ср. древнерусские формы без *-ть* типа *приде* [Жолобов 2016]. В двух случаях формы 3-го л. ед. ч. *e* являются связочными, ср. *оце e_{AUX.3SG} тебе н[e] годена_{ADJ.NOM.SG.F}* ‘если она тебе не годна’ (Б.гр. № 705, ок. 1200–1220 гг.), *аже ти_{2SG.DAT} e_{AUX.3SG} по съпехо* ‘если тебе к спеху’ (Б.гр. № 709, ок. 1240–1260 гг.). Из находок последних десятилетий примечательна новгородская грамота № 1047 (ок. 1100–1120 гг.), подтверждающая, что в определенных позициях форма *e* принимала на себя ударение, аналогично форме *есть*:

- (66) Попътаи оуяча *ѣ_{3SG}* ли тоу мои дьльженикъ_{NOM.SG.M} : али ти *ѣсть_{3SG}* тоу а възъми на нѣмѣ дьвѣ гривенѣ : али ти ѣго нѣ тоу : а тако зе ми възъдаи (Б.гр. № 1047, ок. 1100–1120 гг.)
 ‘Спроси Уйца, **есть** ли тут мой должник. Если он тут **есть**, то возьми с него две гривны. Если же его тут нет, то так мне и доложи’.

В примере (66) форма *ѣ*, как и ее коррелят *ѣсть* во второй синтагме, использована в роли полнозначного глагола с экзистенциально-верификативным значением ‘в месте L есть индивид x’⁴³, но для оценки ее способности принимать ударение в контексте альтернативного вопроса ‘*p* ∨ ~ *p*’ это, по-видимому, не важно⁴⁴. В соответствующем контексте современные и древние славянские языки широко используют связочные формы глагола *быти*, в том числе в составе конструкции перфекта. Ср. пример из среднеболгарского памятника начала XV в., где в перфекте используется именно краткая форма связки 3-го л. ед. ч. *e*, что характерно для южнославянских языков в целом:

- (67) Срблг. Тои не знам: *e_{AUX.3SG}=ли=ви_{2PL.DAT} доишла_{SG.F} книга_{NOM.SG.F} въ рѣце, или не e_{AUX.3SG}* [Wallachian letter CCXII: Petru Uroș, trimesul Brașovenilor la împăratul Sigismund, și Ștefan, logofătul lui Vlad Dracul. (с. 1432–1437)]
 ‘Мне неизвестно, **дошла ли** до вас книга, или не дошла’.

В корпусе берестяных грамот примеров употребления связки перфекта в верификативных контекстах типа (67) нет, но зафиксировано аналогичное употребление связки 2-го л. мн. ч. в составе именного сказуемого в новгородской грамоте № 1050, современной грамоте № 1047, с поправкой на то, что связка *есте_{2PL}* стоит не в абсолютном начале клаузы, но после начальной проклитики *a*.

⁴³ Ср. аналогичный пример с формой *есть* в грамоте № 717 (ок. 1160–1180 гг.): *томуоу даи попытаи есте_{3SG} ли мафеі оу манастири* ‘Поэтому давай-ка выясни, в монастыре ли Матфей’.

⁴⁴ Иначе полагает А. А. Зализняк, объясняющий начальную позицию связок 3-го л. *есть*, *суть* в верификативных контекстах ‘*p* ∨ ~ *p*’ историческими причинами — тем, что данные формы в древнерусском языке XII–XIII вв. пережиточно сохраняли свойства ударных слов [Зализняк 2004: 180].

- (68) а **есте**_{АИХ.2PL} **прави**_{PL} а выведете отрокъ на славомиръ (Б.гр. № 1050, ок. 1100–1120 гг.)
 ‘А коли вы правы, вы вызовете отрока на Славомира’.

Ударность начальных связок *e*, *есть* в примерах типа (66) можно альтернативно вслед за А. А. Зализняком объяснять тем, что связки 3-го л. в древнерусском языке XII в. еще не стали безударными словами [Зализняк 2004: 180]. Однако примеры со связкой 1–2-го л. в аналогичной позиции по схеме А. А. Зализняка уже объяснить нельзя, поскольку эти связки, по его же анализу, обладали всей полнотой свойств энклитик [Зализняк 1993: 285; 2008: 37]. Практически единственное объяснение состоит в том, что сам контекст альтернативного вопроса ‘*p* ∨ ~ *p*’ требует ударной связки, причем как в 3-го л., так и в 1–2-м л. Последнее обстоятельство побуждает исключить альтернативные вопросы из числа контекстов, релевантных для проверки Перфекта II, и констатировать, что в корпусе берестяных грамот XI–XIII вв. на сегодняшний день нет доказанных примеров этой конструкции.

Материал не противоречит гипотезе о том, что краткая форма связки *e* является реликтом индоевропейского инъюнктива, тяготеющего к гипотетическим, ирреальным и оптативным контекстам, противостоящим индикативной модальности, выражаемой презентными формами с окончанием *-тъ* [Жолобов 2016: 117; Шевелева 2019: 361]. Вместе с тем 3–4 примера не дают статистики. К тому же приходится допустить тонкую градацию гипотетических ситуаций в идиоме автора грамоты № 1047: вопрос вида ‘*p* ∨ ~ *p*’ он оформил при помощи краткой формы *ѣ* (*ѣ ли тоу мои дъльженикъ*), а имплицативное суждение вида ‘если *p*, то *q*’ — при помощи полной формы *ѣсть* (*али ти ѣсть тоу а възъми на нѣмъ дъвъ гривенъ*).

7.3. Конструкция с избыточным *есть*

Для диалектов русского Севера, в первую очередь — псковских и онежских, и для ряда памятников псковской и новгородской локализации характерны конструкции, где историческая форма 3-го л. ед. ч. *есть* используется в качестве эмфатического маркера, а не в качестве показателя согласования [Кузьмина, Немченко 1968; Трубинский 1975; Шевелева 1993; 2001; 2002; 2006; 2008]. Точное определение прагматических функций эмфатического *есть* в памятниках этой группы отсутствует, но оно везде является факультативным элементом предложения, что оправдывает ярлык ‘избыточное *есть*’, используемый в [Зализняк 2004: 181]. Подробный обзор конструкций с избыточным *есть* в записях олонецких причитаний дается в статье [Толстая 2023], где для каждого варианта конструкции с избыточным *есть* приведены параллели без *есть* при том же типе сказуемого в той же группе памятников. М. Н. Шевелева рассматривает в том же ключе и структурно необязательные формы книжного претерита (имперфекта или аориста) глагола *быти* в датированных XIV–XVI вв. списках «Жития Андрея Юродивого», «Жития Ефросина Псковского» и про-

чих книжных памятниках северо-западной традиции [Шевелева 1993: 136, 142–144].

На основе описаний М. Н. Шевелевой и С. М. Толстой можно разделить диалектные примеры с избыточным *есть* на две группы. В первой из них *есть* (*е*) добавляется в структуру, которая не является связочной и содержит флективный показатель лично-числового согласования. Ср. формы презенса *Ребята_{NOM.PL} есть кур-ят_{3PL}* [Кузьмина, Немченко 1968], *И, може, времечко_{NOM.SG.N} ведь е да приизменится_{3SG}* [Толстая 2023] и имперфекта *Нѣцѣ_{NOM.PL.M} же есть хлюбци_{NOM.PL.M} дака-хоу_{IMPF.3PL} чаты по волѣ а не по прошенью* («Житие Андрея Юродивого» [Шевелева 1993: 138]). С оговорками сюда же можно отнести диалектные употребления, где *есть* соответствует компоненту *-нибудь* в составе неопределенных местоимений, ср. олонекское *Вы свезите-тко в какое е селенье, И хоть каку да ни е весточку послала бы* [Толстая 2023: 8] и литературное *в какое-нибудь селенье, хоть какую-нибудь весточку*.

Во второй группе *есть* (*е*) добавляется в связочную структуру, где по нормам современного русского литературного языка, а отчасти и по нормам древнерусского, см. обзор древнерусских конструкций с именным сказуемым [Зализняк 2008: 221–262], была возможна нулевая связка. Ср. примеры из олонекских причитаний: *И уж как я, да горегорькой е детинушка, И строги-грозны богоданны есть родители!*, *И отпущают е солдатов забилетных, Теперь все прошло ведь е да миновалось, И я закону бы ведь е не принимала бы, И пушкетники ведь е да занаряжены ль?, И буде волюшка ведь е да во златых перстнях, И были людюшки ведь е да запростейшии* [Толстая 2023]. Назовем первую группу конструкций с избыточным *есть* ‘типом А’, а вторую — ‘типом В’.

Таблица 15

Два типа конструкций с избыточным *есть* (*е*)

ТИП А		ТИП В	
Вставка <i>есть/е</i> в несвязочную структуру		Вставка <i>есть/е</i> в связочную структуру	
презенс	<i>Ребята есть курят</i>	перфект	<i>Теперь все прошло е да миновалось</i>
имперфект/ аорист	<i>Нѣцѣ есть хлюбци дакахоу чаты по волѣ</i>	именное сказуемое	<i>И строги-грозны есть родители</i>
неопределенные местоимения	<i>И хоть каку да ни е весточку</i>	ирреалис и русский плюсquam- перфект	<i>И буде волюшка ведь е да во златых перстнях И были людюшки ведь е да запростейшии</i>

Для конструкций типа А базовой является гипотеза о том, что они имеют биклаузальную структуру с добавленным бытийным предикатом⁴⁵. Соответственно, *ребята есть курят* означает ‘Существуют такие ребята, которые курят’, а *Нъцие есть хлюбци даихоу чаты по волъ* означает ‘Существуют такие христороубцы, которые добровольно давали цаты’ [Шевелева 1993: 137; 2002: 215]. Для конструкций типа В базовой является гипотеза о том, что *есть/е* — факультативный вариант нулевой связки. Для ирреалиса и конструкций, продолжающих русский плюсквамперфект, эта гипотеза нуждается в уточнении. Здесь отклонение от грамматики современного русского языка обусловлено настройками параметра, разрешающего комбинацию материально выраженных презентных и непрезентных связок, ср. *е(сть) были, буде е(сть)* в диалектном синтаксисе.

Кратко рассмотрим конструкции типа А и В в основной и контрольной группах памятников.

7.3.1. Конструкции типа А

Сочетаний презентных формы *есть, е* с книжным претеритом (имперфект, аорист) ни в основной, ни в контрольной группах памятников нет. Имеется три примера, где форма *есть* стоит при форме презенса индикатива действительного залога. Все они связаны с новгородскими авторами. Наиболее ранний пример зафиксирован у Антония.

(69) Ту же **есть**_{PRES.3SG} во церкви **ковер**_{NOM.SG} святаго Николы **вист**_{PRES.3SG} (Антоний, ок. 1200 г.).

В контрольной группе еще два аналогичных примера обнаруживаются у Стефана Новгородца при формах 3-го л. *есть, суть*, правильно распределенных в соответствии с числом подлежащего контролера. На пример (70) ранее указала М. Н. Шевелева [1993: 134].

(70) Той **есть** монастырь царевъ, стоить при мори, и ту **есть**_{PRES.3SG} близ монастыря того **живет**_{3SG} жидовъ много при мори, възлѣ городную стѣну, и врата на море зовутся Жидовская (Стефан Новгородец, 1347–1349 гг.);

(71) **Суть**_{PRES.3PL} же инии **стльпове**_{NOM.PL} мнози по граду **стоять**_{PRES.3PL} от камени мрамора, много на них писаниа от врѣха и до долу писано рытию великою (Там же).

Примеры (70)–(71) показывают, что в идиоме Стефана Новгородца в середине XIV в. форма *есть* еще не была обобщена в качестве единственной формы 3-го л. знаменательного глагола *быти*. Этот факт Примеча-

⁴⁵ По выражению М. Н. Шевелевой, «перед нами явно сдвоенная предикатная структура, в которой *есть* — самостоятельный предикат с бытийным значением» [Шевелева 1993: 137].

телен тем, что в позиции связки *есть* и *суть* не употреблялись новгородцами в Перфекте I уже в XII в., см. раздел 5. Вместе с тем новгородские авторы XII в. — Кирик, Илья-Иоанн и Антоний — употребляли ударные связки 3-го л. *есть* и *суть* в Перфекте II, см. выше примеры (25)–(35) и (38), в то время как в XIV в. последняя конструкция новгородским диалектом, возможно, была уже утрачена: по крайней мере, ни у Стефана Новгородца, ни у его современника Василия Калики Перфекта II нет.

В контрольной группе памятников у Василия Калики имеется аномальный пример конструкции *есть*, который скорее относится к типу А. С формально-синтаксической точки зрения связка *есть* в последней клаузе может относиться только к аористу *принесе* в предыдущей клаузе, но сама эта форма возникла из-за неудачного пересчета перфекта *принесль есть*.

- (72) А еже рай_{NOM.SG.M} мысленный_{NOM.SG.M} **есть**^{PRES.3SG}, то почто **види-му**_{ACC.SG.F} **вѣтьвь**_{ACC.SG.F} сию_{ACC.SG.F} аггелъ_{NOM.SG.M} **принесе**_{AOR.3SG}, а не **мыслену**_{DAT.SG.F} **есть**^{PRES.3SG}? (Василий Калика, 1347 г.)
 ‘А если рай — вещь мысленная, то почему эта ветвь, которую принес ангел, видимая, а не мысленная?’, букв. ‘почему ангел принес эту ветвь видимой, а не мысленной?’.

Вероятно, Василий не справился с гармонизацией двух черт книжной грамматики в одном предложении — конструкцией с двойным предикативным вин. п. (*ветвь сию...видиму... а не мыслену*) и формой с аористом *принесе*, которую он пересчитывал из перфекта *принесль есть*: морфологически форма *принесе* правильна, но добавление связки *есть* делает синтаксис аномальным. Контекст (72) можно приравнять к подтверждению гипотезы *p* о том, что ангел действительно принес реально видимую райскую ветвь и опровержению гипотезы *q* о том, что рай есть чисто абстрактное (*мысленное*) понятие, поэтому употребление связки *есть* и в первой, и в последней клаузах семантически оправдано. В этом случае пример (72) косвенно подтверждает, что в новгородском диалекте середины XIV в. связка *есть* в конструкции типа А могла использоваться и при нарушении согласования.

7.3.2. Конструкции типа В

Ударные связки Перфекта II являются показателями согласования в числе и не могут быть заменены нулевой связкой без изменения семантики, поэтому Перфект II не может быть отождествлен с конструкциями типа В, где связка *есть* не является показателем согласования и альтернирует с нулевой связкой. Из предикатных конструкций под эту рубрику — с оговоркой — подводятся инфинитивные предложения типа *взйти горь* ‘надо взойти наверх’, которые не являются согласуемыми, но допускают в презенсе индикатива как нулевую связку, так и связку *есть*. Данные конструкции рассмотрены ниже в п. 7.4.

7.4. Инфинитивные предложения со связкой *есть*

Инфинитивные предложения в древнерусском, старославянском [Ходова 1980: 222] и древнечешском [Pogák 1967] языках содержат позицию связки. Выделение предложений с нулевой связкой презенса индикатива в отдельный тип, предположительно, продолжающий бессвязочные предложения с инфинитивом в виде главного предиката [Мразек 1963], возможно, но на синхронном уровне предложения без связки в презенсе индикатива, выражающие значение алетической модальности⁴⁶ (ср. пример (73) из новгородской берестяной грамоты № 1113 (ок. 1180–1200 гг.)), при переводе в прошедшее время и/или ирреальное наклонение реализуются с ненулевой связкой, ср. пример (74) из новгородской грамоты № 1020, относящейся к тому же периоду⁴⁷.

(73) **Мнѣ**_{1SG.DAT} ны-нѣ : \emptyset^{3P} **платити**_{INF} :и:1: коунь_{GEN.PL}: а тыщѣ : роукѣ (Б.гр. № 1113, ок. 1180–1200 гг.)
‘**Мне** теперь <надо> **платить** 18 кун, а руки пусты’;

(74) оу хотьсла:ва_{GEN.SG} **ми**_{1SG.DAT} **было**_{PRET.3SG.N} гривн_{GEN.PL} **възати**_{INF} : а творать и_{3SG.ACC.M} пеставивъше_{GER} (Там же, № 1020)
‘**Мне** <надо> было **взять** гривны у Хотеслава, а говорят, что он помер’.

Неясно, допускали ли те носители древнерусского языка, которые использовали нулевую связку в модальных контекстах типа *платити мнѣ коуны* ‘платить мне деньги’, чередование \emptyset^{3P} /*есть* в презенсе индикатива. Для большинства авторов не книжных текстов шансы выяснить это призрачны. Однако есть контексты другого типа, где варьирование \emptyset^{3P} /*есть* в презенсе индикатива подтверждается памятниками. Сюда относятся инфинитивные предложения с глаголами восприятия, ср. (*есть*) *видѣти оттуда всю ту землю* ‘оттуда можно видеть всю ту землю’, или глаголами движения, ср. *по нима же (есть) взити горѣ* ‘и по ним можно подняться наверх’. В жанре хождения инфинитивные предложения с глаголами вос-

⁴⁶ Т. е. внешней модальности или необходимости: внешний фактор заставляет X-а делать *p* (*пить воду, выплачивать долг* и т. п.) или дает ему возможность делать *p*.

⁴⁷ Аналогичные пары примеров дативно-инфинитивных предложений с нулевой и ненулевой связками можно найти и в книжных памятниках. Ср. два примера в рассказе о смерти Олега в «Повести временных лет». В прорицании кудесника используется нулевая связка, т. к. прогнозируемая ситуация является модальным будущим — конь неминуемо принесет князю смерть: *кнѣже конь еѣже любиши и ѣздиши на нем. ѿ тоѣ ти_{2DAT.SG} $\emptyset^{PRES.3P}$ оумрети_{INF}* (Лавр., л. 19 Р [ПВЛ, 912 г.]) ‘Князь, конь, которого ты любишь и на котором ездешь, принесет тебе смерть’. Видя череп коня, Олег думает, что прогноз не сбывается, и употребляет связку прошедшего времени: *и посметася ре^и отъ сего ли лба смѣрть было_{PRET.3SG.N} възати_{INF} мнѣ_{1DAT.SG}* (Там же).

приятия и движения используются для вербализации личного опыта и для объяснения, как добраться до некоторого объекта.

Даниил относится к авторам, регулярно использовавшим инфинитивные предложения в диагностических контекстах обоих типов в рассказах о посещении святых мест. Он употребляет как варианты с нулевой связкой (они преобладают), так и варианты со связкой *есть*. Последнюю он ставит как в начало, ср. (75), так и внутрь клаузы, ср. (76).

- (75) **Есть**_{PRES.3SG} **знати**_{INF}, гдѣ же была баня та до днесь: *есть же, идеже святаа Елена крестъ честный налѣзла, близ Распятия Господня къ востоку лицъ сажень 20 вдалѣе* (Даниил, 17);
- (76) **Възлѣсти**_{INF} *же* **есть**_{PRES.3SG} горѣ по степенемъ: до дверей 7 степеней, а въ двери вшед 7 степеней (Даниил, 16);
- (77) <И **есть**_{PRES.3SG} разсѣлина та на камени том и до днешняго дне>. **Знати**_{INF} \emptyset^{3P} на деснѣй странѣ Распятия Господня **знамение**_{NOM/ACC.SG.N} **то**_{NOM/ACC.SG.N} **честное**_{NOM/ACC.SG.N} (Даниил, 16);
- (78) Двери же имать 5-ры желѣзны и степеней имать 200, по нима же \emptyset^{3P} **взिति**_{INF} горѣ (Даниил, 16).

В общей сложности Даниил использует независимые инфинитивные предложения с глаголами восприятия *видѣти, увидѣти, узрѣти, дозрѣти, знати* в значении ‘визуально определить’, ‘распознать’ и глаголами движения *ити, внити, поити, доити, възлѣсти, възлѣсти, полѣсти, слѣсти* 41 раз⁴⁸. В обеих группах наблюдается варьирование \emptyset^{3P} /*есть*, но вынос связки *есть* в начало инфинитивной клаузы зафиксирован только при глаголах восприятия. Доля употреблений с ненулевой связкой составляет 31,7% (13/41). Сводные данные показаны в Таблице 16.

Таблица 16

Реализация связочного компонента инфинитивной конструкции с глаголами восприятия и движения в тексте Даниила

	Глаголы восприятия	Глаголы движения
Нулевая связка \emptyset^{3P}	11	17
Связка <i>есть</i> , позиция внутри клаузы	4	6
Связка <i>есть</i> , позиция в начале клаузы	3	0
Всего	18	23

⁴⁸ Еще в одном случае инфинитивное предложение с глаголом восприятия вводится каузативным глаголом *показати*: *идохом в келии свои, хваляще Бога, показавша недостойным нам ту благодѣть Божию видѣти*_{INF} (Даниил, 100). В этом случае вставка связки *есть* в правильном книжном древнерусском языке невозможна.

Варьирование \emptyset^{3P} /*есть* показывает и текст Ильи-Иоанна, но в другой группе предикатов.

- (79) О нихъ же **ны**_{DAT.PL} **есть**_{PRES.SG} слово **ѡдати**_{INF} Бгѹ (Илья-Иоанн);
 (80) Еже **самому**_{DAT.SG.M} \emptyset^{3P} **начати**_{INF} и **молвити**_{INF} своа грѣхы (Илья-Иоанн).

В контрольной группе памятников XIV–XV вв. инфинитивная конструкция с глаголами восприятия и движения обычно используется с нулевой связкой, но вариант с *есть* не исключен полностью. Репрезентативную статистику дают два памятника. Стефан при описании Царьграда неизменно использует нулевую связку (25 раз). В 11 случаях он использует ее с глаголом восприятия, см. (81), в 14 — с глаголом движения. Анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» использовал инфинитивную конструкцию с глаголом восприятия 8 раз, из них один раз — с ненулевой связкой, см. (82). Еще в одном случае он использовал нулевую связку с глаголом движения, см. (43).

- (81) Тоже и до нынѣ **кровь**_{NOM.SG.F} **та**_{NOM.SG.F} \emptyset^{3P} **знати**_{INF}, и цѣло-вахом_{AOR.1PL}, грѣшний_{NOM.PL} (Стефан Новгородец, 1347–1349 гг.);
 (82) И **все**_{NOM/ACC.SG.N} **здание**_{NOM/ACC.SG.N} града того **видѣти**_{INF} твердо_{NOM/ACC.SG.N} **есть**_{PRES.3SG}, и подивитися о сем (Хождение на Флорентийский собор, 1438–1439 гг.);
 (83) А надъ предними дверми изнутри поставлены **4 кони**_{NOM.PL} **медяны**_{NOM.PL}, позлащены, велики, \emptyset^{3P} **видѣти**_{INF} **яко живи**_{INF}, и повѣшены два змя великы убиты (Там же);
 (84) И тогда четшим им грамоты по латынскыи и по греческыи, и что **им**_{3PL.DAT} \emptyset^{3P} **ити**_{INF} ис Ферары къ Флоренску граду (Там же).

В некоторых памятниках нет подходящих контекстов для проверки возможности добавления связки *есть* в инфинитивную конструкцию. В «Хождении Антония» данная конструкция для описания достопримечательностей не используется. В «Вопрошании Кириковом» инфинитивные предложения передают директивы и рекомендации более 50 раз. В этих ситуациях ни сам Кирик, ни авторы разделов «Савин» и «Ильино» никогда не используют связку *есть*: *но простымъ възъбраняти*_{INF}, *да не велми боудуть в небреженіи* (К62), *но тако погрести*_{INF}, *яко еще високо* (К53), *а за то ти*_{DAT.2SG} **ити**_{INF} *в моуку* (С18), *како держжати*_{INF} **имъ**_{DAT.3PL} *впитемья*_{NOM.SG.F} (И8). Можно предположить, что в идиомах этих носителей новгородского диалекта XII в. связка *есть* не могла быть добавлена в инфинитивное предложение, если его семантика не соответствовала индикативной модальности⁴⁹.

⁴⁹ На первый взгляд, данному объяснению противоречит пример *а за то ти*_{2SG.DAT} **ити**_{INF} *в моуку* (С18), т. к. в нем говорится о неотвратимости наказания. Однако

То же касается Краткой редакции «Русской Правды», где в инфинитивных предложениях, выражающих юридические нормы, всегда употребляется нулевая связка: *то изымати*_{INF} *емоу*_{DAT.3SG.M} *свои челядинъ*_{ACC.SG.M} («Русская Правда», Краткая редакция, ст. 10), *то взяти*_{INF} *за рыбы 7 резанъ*_{GEN.PL} (Там же, ст. 42)⁵⁰.

7.5. Конструкции с избыточным *есть* в XII–XV вв.: выводы

Конструкция Перфекта II с ударной связкой, являющейся показателем согласования, и конструкция с избыточным *есть* имеют некоторое пересечение в истории русского языка. В изученной группе памятников оно минимально⁵¹. Был обнаружен единственный пример конструкции с избы-

и тут речь идет о гипотетической, а не о действительной ситуации: утверждается, что, если *X* сделает *p*, он неизбежно попадет в ад.

⁵⁰ Инфинитивные предложения, содержащие нормативные установления, строятся с нулевой связкой и в древнейшей договорной грамоте — ГВНП № 28 (1188–1199 гг.), ср. *Оже ѿ*^{3P} *емати*_{INF} *скотъ*_{ACC.SG.M} *варягу*_{DAT.SG} *на русинъ или русину*_{DAT.SG} *на варяжь, а са его заприть, то 12 мужъ послухы, идетъ ротъ, възметъ свое*. Если варягу придется взимать деньги с русина и русину с варяга, а тот будет отказываться, то, взяв 12 человек послухов, идет приносить клятву, потом возьмет свое². Существует вероятность, что данное предложение, синтаксис и лексика которого архаичны (ср. постановку клитики *ся* после проклитики *а* и использование слова *скот* в характерном для Новгорода значении ‘деньги’), является старой формулой бытовавших в XI–XII вв. устно норм «Русской Правды».

⁵¹ А. А. Пичхадзе, которой мы благодарны за замечание, обратила наше внимание на три примера из «Хождения Даниила», которые подводятся под понятие ‘избыточного *есть*’, но не укладываются в схему противопоставления плеонастических типов А и В, представленную выше в разделе 7.3. В этих примерах несвязочное (экзистенциальное) *есть*, стоящее в начале или близко к началу клаузы, дублируется другой формой глагола *быти*, стоящей рядом с названием бытующего предмета. В двух случаях из трех бытующий предмет стоит во мн.ч., соответственно, во втором вхождении используется форма *суть*:

- (i) И нынѣ **есть**_{3SG} подь самымъ верхомъ тѣмъ непокрытымъ **суть**_{3PL} **двери**_{PL} 3-и у теремца того учинени хитро [ХДИ 18].
- (ii) **Есть**_{3SG} же **гробъ**_{3SG} **Господень**_{3SG} и **распятие**_{3SG} и **та святаа**_{PL} **мѣста**_{PL} **вся**_{PL} на удольнѣмъ мѣстѣ **суть**_{PL} [ХДИ 23].

В одном примере бытующий предмет стоит в ед.ч., соответственно, глагол *быти* во втором вхождении имеет форму *есть*:

- (iii) И **есть**_{3SG} ту над вертепомъ тѣмъ святымъ Рождества Христова **создана**_{SG.F} **есть**_{3SG} **церкви**_{SG.F} **велика**_{SG.F} крестомъ [ХДИ 63].

Проблема с описанием таких древнерусских примеров состоит в том, что трудно однозначно установить, относятся ли оба вхождения глагола *быти* к одной и той же клаузе или к разным. Тем не менее, пример (i) как будто подтверждает, что несогласуемая в числе форма экзистенциального *есть* могла дублировать согласуемую форму того же глагола в правой части высказывания.

точным *есть* типа А, см. *есть висит* (69) в тексте автора, в идиоме которого была конструкция Перфекта II, — Антония (ок. 1200 г.). В памятниках XIV–XV вв., в том числе представляющих новгородский диалект (Стефан, Василий Калика), Перфекта II уже нет, хотя связка *есть* продолжает использоваться в экзистенциальных и верификативных контекстах в других конструкциях, в частности в инфинитивных предложениях. У Даниила доля примеров со связкой *есть* в инфинитивных предложениях с глаголами восприятия и движения достигает более 30%. В его идиоме употребления связки *есть* в Перфекте II и в инфинитивных предложениях отчасти аналогично: в обоих случаях связка *есть* является ударной и может выноситься в начало клаузы. Однако сходство неполное. В Перфекте II ненулевая связка — показатель согласования, поэтому форма 3-го л. ед. ч. *есть*, в зависимости от свойств подлежащего контролера, может быть заменена на 3-го л. мн. ч. *суть* и — теоретически — на 3-го л. дв. ч. *еста*. Напротив, независимые инфинитивные предложения являются в древнерусском языке структурами без согласования и без подлежащего, поэтому *есть* нельзя заменить на *суть* и *еста*. В тексте Стефана (середина XIV в.) инфинитивные предложения употребляются в тех же ситуациях, что у Даниила, но Стефан уже не использует в инфинитивной конструкции связку *есть*. Варьирование реализаций связки $\emptyset^{3P}/есть$ в инфинитивных предложениях в XIV–XV вв., по данным контрольной группы памятников, представляет собой уходящее явление.

7.6. Перфект II в «Повести временных лет»

Вопрос о наличии Перфекта II (независимо от наименования данной конструкции) в книжных памятниках изучен слабо. Трудности с извлечением материала усугубляются тем, что в русистике обсуждается выбор из двух возможностей — либо добавление ненулевой связки 3-го л. перфекта признается чертой книжного стиля, не связанной с выражением особой семантики (ср. [Зализняк 2008: 257–259]), либо употребление презентных форм *быти* при л-причастии признается ранней манифестацией диалектной конструкции со структурно необязательным *есть*, которая проецируется в древнерусский период [Шевелева 1993; 2002]. Между тем ударные связки Перфекта II структурно обязательны в качестве показателей согласования и выражают диагностическую семантику конструкции — экзистенциально-локативное или верификативное значение.

Особый интерес в плане поиска Перфекта II представляет «Повесть временных лет», написанная на диалекте, близком к диалектам Даниила и Мономаха. Важное наблюдение сделала М. Н. Шевелева, которая указала, что аномальная с точки зрения книжной грамматики фраза *яко Кий естъ^{PRES.3SG} перевозникъ бы^C_{AOR.3SG}* (Ипат., л. 4 [ПВЛ]), где презентная связка *есть* комбинируется с формой аориста *бысть*, содержит «утверждение достоверности существования», т. е. подтверждение гипотезы о том, что легендарный Кий был перевозчиком [Шевелева 1993: 137]. В Лаврен-

тьевской летописи (Лавр., л. 4 [ПВЛ]) вместо аориста *бысть* в этом месте стоит *л*-причастие *быль*, но «контекст здесь имеет отнюдь не перфектное значение, а то же самое значение утверждения существования» [Там же]. По нашему мнению, за основу следует принять вариант *есть* *быль*, представленный в Лаврентьевской летописи, поскольку соответствующая конструкция со связкой 3-го л. и *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* — предполагаемый Перфект II — встречается в ПВЛ еще 6 раз, в записях под 862, 983, 986 (дважды), 1093 и 1097 гг. В этих случаях конструкция *есть/суть* + *был/бывал* сохранена как в Лавр., так и в Ипат. Важно, что в последующих частях Лаврентьевской и Ипатьевской компиляций — Суздальской, Киевской, Галицкой и Волынской летописях — сочетания *л*-причастий глаголов *быти*, *бывати* с ненулевой связкой 3-го л. представлены всего 3 раза⁵². Таким образом, речь идет о явлении, которое характерно именно для периода создания «Повести временных лет», т. е. том же времени, когда были записаны «Хождение Даниила» и «Поучение Владимира Мономаха». Два примера данной конструкции из 7 в ПВЛ передают слова того же Мономаха (записи под 1093 и 1097 гг.). С прямой речью и диалогическими ситуациями связаны и 4 из 5 оставшихся примеров, что согласуется с гипотезой о том, что Перфект II в XII в. не был специфически книжной конструкцией.

Контексты всех семи примеров предполагаемого Перфекта II в ПВЛ связаны с верификативным значением. Несколько контекстов амбивалентны и одновременно допускают реконструкцию значения отмененного результата: подчеркивается, что наличествовавшее когда-то состояние *p* более не имеет места в момент речи, см. (87), либо, наоборот, в момент речи возникло то, чего ранее не было, см. (88). В неосложненном виде верификативное значение реализуется в контекстах (85) и (86). Пример про Кия из преамбулы без погодной записи является несобственной прямой речью: некие люди утверждали, что Кий в самом деле был перевозчиком. С этим тезисом рассказчик спорит, доказывая, что он ложен.

- (85) Ини же не свѣдуще рекоша. **яко** **Кии**_{NOM.SG.M} **есть**_{PRES.3SG} перевозникъ_{NOM.SG.M} **быль**_{SG.M}. оу Кієва бо баше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра . тѣмъ глѣху на перевозъ на Кієвь. аще бо бы пе-

⁵² В Киевской, Галицкой и Волынской летописях, покрывающих период с 1118 по 1291 г., ненулевые связки перфекта 3-го л. представлены значительно шире, чем в Суздальской летописи, покрывающей период с 1118 по 1377 г. По данным М. Н. Шевелевой [2002: 58], в Суздальской летописи соотношение перфектных клауз 3-го л. с нулевой и ненулевой связками составляет 63/7, т. е. ненулевая связка употребляется лишь в 10% случаев. Для связки 3-го л. ед. ч. *есть* контраст еще больше — 49/3 (5,8%), т. е. во всей Суздальской летописи перфектных клауз со связкой *есть* вдвое меньше, чем в «Повести временных лет». Любопытно, что в именном сказуемом Суздальская летопись, наоборот, предпочитает ненулевую связку 3-го л. [Там же].

ревозникъ Кии . то не бы ходиль Црюгороду (Лавр., л. 4 [ПВЛ, без погодной записи])

⇒ А. ‘Кий **действительно** был перевозчиком’;

В. ‘Если бы Кий **действительно** был перевозчиком (как утверждают иные), он бы не мог ходить на Царьград. (Но он ходил)’.

Пример (86) относится к рассуждению рассказчика, ведущему диалог с читателем: утверждается, что хотя физически апостолы не были на Руси, их учение уже здесь было и победило.

(86) аще бо и тълоть ап^сли^{3PL} суть^{PRES.3PL} . здѣ не **были**^{PL} но оученик ихъ . яко трубы гласать . (Ипат., л. 32 об. [ПВЛ, 983 г.]⁵³)

⇒ ‘Хотя неверно, что апостолы **действительно были в этих местах физически**, их учение на этой земле живет и побеждает сейчас’.

В контексте (87) рассказчик приводит речь Владимира Мономаха, отражающую его решение уступить в 1093 г. Великое Княжение Киевское своему двоюродному брату Святополку Изяславичу. Контекст амбивалентен: наряду с верификативным значением можно реконструировать значение отмененного результата, поскольку Святополк в момент речи не контролирует Киев, где ранее (*прежде*) княжил его отец.

(87) Володимеръ же нача размышлати река . аще саду на столѣ вѣа своего . то има^М рать съ Сѣополко^М взати . яко **естъ**^{PRES.3SG} **столь**^{NOM.SG.M} **пре**^ж вѣа его | **бывъ**^{SG.M} . и размысливъ . посла по Сѣополка . Турову . а самъ иде Чернигову . А Ростиславъ Переяславлю (Лавр., л. 72 об. [ПВЛ, 1093 г.]

⇒ ‘Это **раньше действительно был** стол Изяслава, отца Святополка. (но теперь сам Святополк правит в другом городе, не в Киеве)’.

В контексте (88) передается реакция Мономаха на ослепление его союзника Василька Ростиславича в 1097 г. Говорящий (Мономах) утверждает, что случилось то, чего на Русской земле ранее не бывало. Контекст амбивалентен: с одной стороны, подчеркивается, что сейчас действительно произошло ужасное событие (верификативное значение), с другой — подчеркивается, что ослепление Василька создало новый опасный прецедент в политической жизни Руси (экзистенциально-локативное значение — возникновение новой реалии).

(88) Володимеръ же слышавъ яко ктъ бы^с Василко и слѣпленъ оужасеса . и всплакавъ и ре^ч сего **не бывало**^{SG.N} **е**^с^{PRES.3SG} **в Русь-**

⁵³ В Лаврентьевской летописи в этом месте дважды повторено отрицание *не*, что может быть ошибкой переписчика: *не суть не были* (Лавр., л. 27 [ПВЛ, 982 г.]).

скѣи земли . ни при дѣдѣ^х наши^х . ни при вѣихъ наши^х сакого зла (Лавр., л. 88 об. [ПВЛ, 1097 г.]

⇒ ‘Такого, как сейчас, **раньше в Русской земле не бывало**, но сейчас, к сожалению, случилось’.

Семь употреблений Перфекта II с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* в тексте ПВЛ не выглядят высоким показателем в сравнении с 40 примерами той же разновидности Перфекта II в тексте «Хожения Даниила», памятнике, записанном одновременно с ПВЛ. Однако в продолжении Ипатьевской и Лаврентьевской компиляций сочетания *есть* *быль*, *суть* *были*, *не бывало* *есть* встречаются лишь трижды, причем во всей Суздальской летописи, покрывающей период с 1118 по 1377 г., насчитывается лишь 8 употреблений связки *есть* и 5 употреблений связки *суть* с *л*-причастием любых глаголов. Идиом составителя или составителей ПВЛ правомерно считать киевским диалектом. Интересно, что все три примера конструкции *есть* *был*, *суть* *были* в Ипатьевской и Лаврентьевской компиляциях за пределами ПВЛ, см. (89), (90), (91), встретились в отрезке 1148–1154 гг., который особенно тесно связан с киевским летописанием: это период борьбы киевского князя Изяслава Мстиславича с суздальским князем Юрием Долгоруким и его союзниками, пространно описанный в Киевской летописи и более кратко — в Суздальской; в (90) пересказывается речь Изяслава, а в (89) и (91) излагаются речи контрагентов Изяслава, ведущих переговоры с ним. Во всех трех примерах выражается экзистенциальное значение ‘раньше имело место *p*’, но импликации отмены результата или смены состояния нет.

(89) Стѣславъ Сѣлгови^ѣ и Всеволодичъ Стѣславъ . послаша слы свои къ Изаславоу Мьстиславичю ищюче мира . и тако рекоуче . то **есть**_{PRES.3SG} **было**_{3SG.N} пре^ж дѣдѣ наши^х и при вѣихъ наши^х . миръ стоить до рати . а рать до мира (Ипат., л. 133 [Киев., 1148 г.]);

(90) Изаславъ же хоташе вси^х дании к Новугороду Новгоро^ѣцкихъ . акоже **есть**_{PRES.3SG} и переже **было**_{3SG.N} . и тако не оуладиша^ѣ и не послуша его Дюрги (Ипат., л. 141 [Киев., 1149 г.]);

(91) река любо си са на^{ма} вѣю гнѣвати . не иду с ворого^м свой^м . то **су**^ѣ_{3SG} **были**_{3PL} **ворози**_{NOM.PL} и дѣду моему . и строємъ мой^м . но поиде^м дружино (Лавр., л. 106 об. [Сузд., 1148 г.]).

Мы заключаем, что в первой четверти XII в. в южнорусском идиоме составителя или составителей «Повести временных лет» Перфект II с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* был довольно обычной конструкцией, в то время как летописцы следующих поколений прибегали к ней реже, а после 1154 г. данный вариант Перфекта II в летописях не представлен. Для уточнения оттенков значения Перфекта II в языке ПВЛ, Киевской и Суздальской летописей требуется дополнительное исследование и анализ

всех перфектных клауз с ненулевой связкой 3-го л. в корпусе древнерусских летописей XII–XIII вв. Предварительно можно отметить, что ранние летописные примеры (85)–(91) с сочетаниями *есть был*, *есть было*, *суть были* употребляются в контекстах, где говорящий или рассказчик специально подчеркивает актуальность событий далекого прошлого, указывая на то, что факт *p* имел место. Это соответствует верификативному значению Перфекта II, в терминах нашей статьи.

7.7. Возможные следы Перфекта II в псковском диалекте

Псковские берестяные грамоты малочисленны: в найденных к 2022 г. восьми грамотах, покрывающих отрезок с конца XII до середины XIV в. Перфекта II нет. Нет его и в псковских пергаменных грамотах, покрывающих отрезок с начала XIV по начало XVI в.⁵⁴ Употребления верификативного и экзистенциального *есть* в книжных псковских памятниках XIV–XVI вв. разобраны М. Н. Шевелевой в [Шевелева 2002; 2006]. Из ее материала выделим два примера.

Изолированный пример XV в., соответствующий характеристикам Перфекта II, был найден М. Н. Шевелевой в Строевском списке 3-й Псковской летописи под 1472 г.: *есть*_{3SG} **человек боле 200 истопло**_{SG.N} *новогородцевъ* (л. 148 [1472 г.]). Связка *есть* вынесена в начало клаузы и стоит дистантно с л-причастием непереходного глагола, что соответствует типичным характеристикам Перфекта II у авторов XII в. М. Н. Шевелева специально подчеркивает, что Перфекта I с ненулевой связкой 3-го л. в 3-й Псковской летописи нет [Шевелева 2006: 219].

Еще один пример со связкой *есть* в неопределенно-личном предложении зафиксирован в «Псковской Судной грамоте» (1397–1467 гг.): *гдѣ **есть***_{PRES} ***были***_{3PL} ***грабили***_{3PL}, ***явили***_{3PL} *кому, на тѣхъ ему слатся* (ПСГ, ст. 20) [Шевелева 2002: 64]. Контекст является верификативным: там, где выявлен факт избиения и грабежа, потерпевший должен сослаться на свидетелей, т. е. тех, кому этот факт *явили*. В данном примере нарушено согласование в числе: неясно, можно ли глоссировать *есть* как связку 3-го л. ед. ч. Возможно, перед нами переходное звено от Перфекта II к конструкции с избыточным *есть*. Представляется вероятным, что Перфект II сохранился в псковском диалекте XII–XIV вв., но данные скудны.

7.8. Экзистенциально-локативное и верификативное значения в ретроспективном аспекте

Вопрос о целесообразности постулировать для современного русского языка два разных глагола *быть* — знаменательный (полнозначный) глагол существования, имеющий в презенсе индикатива форму *есть*, и связку

⁵⁴ Рядная Тешаты и Якима, где упоминается псковский князь Довмонт (1266–1291 гг.), причисленная к псковским грамотам в [ГВНП 1949: 317], в настоящее время не считается псковской.

быть, имеющую в презенсе индикатива нулевую форму $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, является дискуссионной проблемой. Примем точку зрения Ю. Д. Апресяна о том, что для словарного описания глагола *быть* тезис о наличии двух лексем, противопоставленных по линии знаменательный глагола vs. связка, не нужен [Апресян 1996]. В русистике сложился примерный консенсус относительно того, что экзистенциально-локативные (а также посессивные) значения выражаются несвязочными употреблениями *быть*, за вычетом маргинальных случаев, где связочные и несвязочные реализации инфинитивных конструкций, по выражению Ю. Д. Апресяна, ‘перетекают друг в друга’, ср. *есть/найдется, где спать* <экзистенциальное *быть*> ~ *негде* \emptyset /*было/будет спать; жить* \emptyset /*было/стало негде* <связочное *быть*> [Там же: 530–531]. Верификативные значения могут выражаться связочным ударным *есть*: *Он и есть наш начальник*. Отсутствие формы *есть* в литературном русском языке не является надежной диагностикой связки *быть* в презенсе индикатива, т. к. экзистенциально-локативные и посессивные употребления типа *в саду яблони, а у меня в кармане гвоздь* и т. п. правомерно считать знаменательными [Дымарский 2018].

Обобщение этих фактов на фоне ситуации в русском языке XI–XV вв. может состоять в следующем. Древнерусский язык был языком с грамматикализованной нулевой связкой 3-го л. \emptyset^{3P} , встроенной в систему лично-числового согласования. Современный русский является не языком с нулевой связкой, а языком с нулевой презентной формой глагола *быть* \emptyset^{PRES} , проникшей как в связочные, так и в несвязочные употребления [Там же], при этом презентная парадигма глагола *быть* включает три формы $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, *есть*^{BE.PRES} и факультативное *суть*^{BE.PRES}, распределение которых не связано с лично-числовым согласованием [Zimmerling 2020]⁵⁵.

Конструкция Перфекта II — особенно ее реликтовый вариант *есть быль* — показывает, что в раннедревнерусский период экзистенциально-локативное значение могло сигнализироваться не только знаменательным глаголом *быти*, но и ударной связкой *быти*. Сам факт распространения этой конструкции в XII в. служит подтверждением того, что к началу данного периода ненулевые связки 3-го л. глагола *быти* не исчезли полностью. В наиболее ранних памятниках, ср. «Хождение Даниила», Перфект II еще реализуется одновременно с употреблением ненулевых атонируемых связок 3-го л. в Перфекте I. В памятниках конца XII в. Перфект II употребляется уже на фоне отсутствия надежных примеров Перфекта I с ненулевой связкой 3-го л.

⁵⁵ Попытка строго доказать этот тезис предпринята в работе [Zimmerling 2020], где на основе корпусной статистики делается вывод о том, что употребление факультативной формы *суть* не в качестве показателя согласования в 3-го л. мн. ч., а в качестве эмфатической презентной формы представляет непрерывную традицию, прослеживаемую с позднедревнерусского состояния.

7.9. Перфект II в XII–XIV вв.: выводы

При расширении контрольной группы памятников удается подтвердить, что в XII в. Перфект II был в большинстве древнерусских диалектов. Вариант Перфекта II, связанный с употреблением ударной презентной связки 3-го л. с л-причастием глаголов *быти* и *бывати*, можно считать реликтом: он есть только у южнорусских авторов первой четверти XII в. — Даниила и составителя «Повести временных лет», который дважды приписал ее употребление Владимиру Мономаху под 1093 и 1097 гг. В «Поучении Владимира Мономаха» Перфекта II нет. Следующее поколение летописцев использует вариант Перфекта II с л-причастием *быти* и *бывати* значительно реже, а после 1150 г. он в русских летописях не встречается. Такие сочетания были малопонятны и составителям второй редакции «Хождения Даниила» [Пичхадзе 2023]. Прочие варианты Перфекта II сохранялись по крайней мере до конца XII в., но отдельные диалекты, например псковский, могли сохранять их и дольше. Трудности с диагностикой Перфекта II в XIV–XVI вв. вызваны тем, что в этот период связки *есть* и *суть* частично утратили статус показателей числового согласования в 3-м л., что подтверждается проникновением разговорных конструкций с избыточным *есть* в ряд книжных памятников Северо-Запада. При этом надежных примеров, которые можно было считать переходным звеном от Перфекта II к конструкции с несогласуемым *есть*, почти нет.

Приоритетная роль связочных энклитик как показателей лично-числового согласования не вызывает сомнений. Вместе с тем класс связочных показателей лично-числового согласования в древнерусском языке шире класса связочных энклитик, что объясняет сохранение реликтовых вариантов Перфекта I и Перфекта II в раннедревнерусский период.

8. Выводы

Проведенное исследование показало, что соотношение нулевой и нененулевых форм 3-го л. презенса индикатива глагола *быти* в раннедревнерусском языке соответствует модели А. А. Зализняка лишь частично. Ключевым фактором является грамматикализация нулевой связки в 3-м л., что делает ненулевые связки перфекта 3-го л. избыточными. Однако в первой четверти XII в. южнорусские авторы памятников оригинального жанра еще могли употреблять ненулевые связки перфекта 3-го л. *есть*, *суть*, *еста* в контекстах, не связанных с выражением экзистенциально-локативных и верификативных значений. В новгородских памятниках середины и конца XII в. уже нет надежных контекстов, где экзистенциальная или верификативная интерпретация перфекта 3-го л. со связками *есть* и *суть* была бы исключена. Одновременно со стандартной конструкцией Перфекта I, где замена *есть*, *суть*, *еста* на нулевую связку была возможна, в XII в. существовала омонимичная ей одноличная конструкция Перфекта II, где удар-

ные связки *есть* и *суть* выражали экзистенциально-локативные и/или верификативные значения. Ударность связок *есть* и *суть* диагностируется на основе их комбинаторики — возможности выноса в начало клаузы, тенденции к дистантной препозиции *л*-причастию и отсутствию кластеризации с возвратной клитикой *ся*. Для Перфекта II характерны употребления непереходных глаголов. Вариант Перфекта II с *л*-причастием глаголов *быти* и *бывати* после первой четверти XII в. не документирован, прочие варианты Перфекта II сохранялись дольше. Наличие Перфекта II в северо-западных диалектах русского языка в XIII–XIV вв. вероятно, но историческая связь между Перфектом II и распространенными в этом ареале конструкциями с избыточным *есть* неясна.

Исследование подтвердило, что дополнительное распределение связок и внешне выраженных клаузальных подлежащих касается лишь тех связок, которые имели в древнерусском языке статус энклитик. Связки 3-го л. Перфекта I употреблялись внутри клаузы, но не обладали полнотой свойств фонетических энклитик. Связки Перфекта II были ударными словами, при этом семантика данной конструкции благоприятствует реализации внешне выраженного подлежащего. Поэтому ни Перфект I, ни Перфект II не показывают в древнерусском языке дополнительного распределения связок 3-го л. и клаузальных подлежащих.

Наличие ударных связочных форм глагола *быти* в Перфекте II подтверждает, что противопоставление экзистенциальных и реляционных употреблений глагола существования не совпадало в раннедревнерусском языке ни с противопоставлением знаменательных слов и связок, ни с противопоставлением полноударных слов и клитик. Связки Перфекта II являются облигаторными показателями согласования в числе, но при этом могут выражать экзистенциальное значение. Данные факты нуждаются в более широком типологическом осмыслении.

Источники

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Древнерусские берестяные грамоты. <http://gramoty.ru/birchbark>.

Древнерусская эпиграфика. <http://epigrafika.ru/epigraphy/inscription/list>.

ХДИ — Житье и хоженье Данила Русьския земли игумена 1106-1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Православный палестинский сборник. Вып. 3 и 9. СПб., 1885.

Литература

Адамец 1978 — П. А д а м е ц. Образование предложений из пропозиций в русском языке (= Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX). Praha: Univ. Karlova, 1978.

- Апресян 1996 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 503–537.
- Арутюнова 1983 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Коммуникативные типы бытийных предложений // Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
- Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Белоброва 1974 — О. А. Б е л о б р о в а. «Книга Паломник» Антония Новгородского (к изучению текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIX. Л.: Наука, 1974. С. 178–185.
- Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1963.
- Браун 2008 — В. Б р а у н. Порядок клитикох у войводянским русинским // Шветлосц. Т. 3. Novi Sad, 2008. С. 315–262
- Буденная 2018 — Е. В. Б у д е н н а я. Похоже, разные: о развитии внешне схожей референциальной модели в русском, латышском и ижорском языках // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. № 2. С. 11–27.
- Буденная 2020 — Е. В. Б у д е н н а я. В поисках триггера: книжные и не книжные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции // Slověne. 2020. Т. 9. № 2. С. 210–243.
- Гиппиус 1996 — А. А. Г и п п и у с. «Русская Правда» и «Вопрошание Кириково» по Новгородской Кормчей 1282 г. (К характеристике языковой ситуации Древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48–62.
- Гиппиус 2003 — А. А. Г и п п и у с. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 60–99.
- Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 146–171.
- Гиппиус 2006 — А. А. Г и п п и у с. Сочинения Владимира Мономаха. Опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 186–203.
- Гиппиус 2009 — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ Святой Софии // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. В. Новгород; СПб.; М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 181–198.
- Гиппиус, Седов 2016 — А. А. Г и п п и у с, В. В. С е д о в. Находки в Георгиевском соборе Юрьева Монастыря. Новые фрески и новые надписи // В. А. Тишков (отв. ред.). Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 15. М.: Наука, 2016. С. 190–208.
- Дымарский 2018 — М. Я. Д ы м а р с к и й. А у меня в кармане гвоздь. Нулевая связка или эллипсис сказуемого? // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 5–12.
- Жолобов 2016 — О. Ф. Ж о л о б о в. Заметки о словоформе *e* 'есть' в древнерусской и старославянской письменности // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2016. № 1. P. 114–125.
- Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. С. 191–319.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2007 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Королев 2019 — А. С. К о р о л е в. К характеристике творчества летописца новгородского архиепископа Антония (первая четверть XIII в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 11–23.

Кузьмина, Немченко 1968 — И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.: Наука, 1968. С. 144–170.

Лопарев 1899 — Х. М. Л о п а р е в. Книга «Паломник». Сказание святых мест в Цареграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 г. / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. Т. XVII, вып. 51. СПб., 1899.

Майсак и др. 2016 — Т. А. М а й с а к, В. А. П л у н г я н, Кс. П. С е м е н о в а (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Перфект (= Acta Linguistica Petropolitana. Т. XII, ч. 2). СПб.: Наука, 2016.

Мильков, Симонов 2011 — В. В. М и л ь к о в, Р. А. С и м о н о в. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011.

Михеев 2018 — С. М. М и х е е в. Автографы трех новгородцев XII в.: о надписях Угрина-Феодора, Домашки Мыслятинича и Путьки Твердятинича // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. XVI. 2018. С. 174–191.

Михеев 2021 — С. М. М и х е е в. Есть ли глаголические буквы в двух надписях из Боснии и Герцеговины и на камнях из долины Брегалницы? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2021. № 2. С. 105–115.

Мразек 1963 — Р. М р а з е к. К дативно-инфинитивным конструкциям в старославянском языке // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University, 12. 1963. A-11. С. 107–126.

Недялков 1983 — В. П. Н е д ь л к о в (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983.

Пенькова 2019 — Я. А. П е н ь к о в а. Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение? // Russian linguistics. 2019. Vol. 43, № 1. С. 65–78.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. Русский плюсквамперфект в типологической перспективе // А. М. Молдован (ред.). Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.

Пичхадзе 2023 — А. А. П и ч х а д з е. К текстологии Хождения Даниила игумена // Источниковедение литературы и языка: археология, текстология, поэтика. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2023 (в печати).

Селиверстова 1982 — О. Н. С е л и в е р с т о в а. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // О. Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.

Скачедубова 2018 — М. В. Скачедубова. Об интерпретации *-л*-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 64–76.

Толстая 2023 — С. М. Толстая. Превратности глагола *быть* в языке олонечких причитаний // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2023. № 1 (в печати).

Трубинский 1975 — В. И. Трубинский. К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*) // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 148–162.

Урманчиева 2020 — А. Ю. Урманчиева. Плюсквамперфекты с аористом и имперфектом вспомогательного глагола в Галицкой, Вольнской и Суздальской летописях // В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова (отв. ред.). Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Языки славянской культуры, 2020. С. 167–190.

Федорова 2014 — И. В. Федорова. «Хождение» игумена Даниила в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря (так называемые полные редакции памятника) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 322–353.

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2. 1978. С. 42–53.

Ходова 1980 — К. И. Ходова. Простое предложение в старославянском языке. М.: Наука, 1980.

Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Циммерлинг 2019 — А. В. Циммерлинг. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. № 4. С. 41–57.

Циммерлинг 2021 — А. В. Циммерлинг. От интегрального к аспектному. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Шевелева 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом **быти** и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 135–155.

Шевелева 2001 — М. Н. Шевелева. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник статей к 80-летию К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 199–216.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55–72.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 215–241.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2. С. 214–252.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 6. С. 34–57.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. Русский плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1. С. 5–43.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. 2015. Т. 4, № 1. С. 564–577.

Шевелева 2019 — М. Н. Шевелева. О древнерусских диалектных различиях в глагольной системе // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева. Сер. «Славянское и балканское языкознание» / Под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 355–380.

Шляков 1900 — Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха. СПб., 1900.

Щапов 1978 — Я. Н. Щапов. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.

Юшков 1935 — Русская Правда. Тексты на основании 7 списков и 5 редакций / Сост. и подгот. к печати проф. С. Юшков. Киев, 1935.

Янин и др. 2015 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2001.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2008.

Яцимирский 1899 — А. И. Яцимирский. Новые данные о хождении архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1899.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge: CUP, 1976.

Franks, King 2000 — S. L. Franks, T. C. King. A Handbook of Slavic clitics. Oxford: OUP, 2000.

Jouravel 2019 — A. Jouravel. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar (= Imagines Medii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung, 47). Wiesbaden: Reichert Verlag, 2019.

Jouravel 2021 — A. Jouravel. On the supposed abridged redaction of Anthony of Novgorod's Kniga Palomnik // Slověne. 2021. Vol. 10, № 1. P. 217–229.

Kolaković et al. 2022 — Z. Kolaković, E. Jurkiewicz-Rohrbacher, B. Hansen, D. Filipović Đurđević, N. Fritz. Clitics in the wild: Empirical studies on the microvariation of the pronominal, reflexive and verbal clitics in Bosnian, Croatian and Serbian (Open Slavic Linguistics 7). Berlin: Language Science Press, 2022.

Lohnstein 2012 — H. Lohnstein. Verumfokus — Satzmodus — Wahrheit // Blühdorn H., Lohnstein H. (Hrsg.). Wahrheit — Fokus — Negation (Linguistische Berichte Sonderheft 18). Hamburg: Helmut Buske, 2012. S. 31–68.

Lohnstein 2018 — H. Lohnstein. Verum Focus, Sentence Mood and Contrast // Ch. Dimroth, S. Sudhoff (eds.). The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theo-

retical, empirical, and typological approaches (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 249). Amsterdam: John Benjamins, 2018. P. 55–88.

Partee 1979 — B. H. Partee. Subject and Object in Modern English. N. Y.: Garland, 1979.

Porák 1967 — J. Porák. Vývoj infinitivních vět v češtině. Praha: Universita Karlova, 1967.

Zimmerling 2009 — A. Zimmerling. Aggressive *pro*-drop and the specificity of the 3rd person in Slavic languages // Fourth Annual Meeting of the Slavic linguistic society. Zadar, 3rd–6th September 2009.

Zimmerling 2020 — A. Zimmerling. Zero forms in morphological paradigms: the verb “BE” in Russian // Computational linguistics and intellectual technologies. Issue 19 (26). Proceedings of the international conference “Dialogue 2020”. P. 795–810.

Zimmerling, Kosta 2013 — A. Zimmerling, P. Kosta. Slavic clitics. A typology // Language Typology and Universals (STUF). 2013. Vol. 66, № 2. P. 178–214.

Статья получена 27.04.2022

Anton V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute
Institute of Linguistics, Russian Academy of Science
fagraey64@hotmail.com

A TALE OF TWO AUXILIARIES: THIRD PERSON FORMS OF *BYTI* IN OLD RUSSIAN

The current estimates for the period when the zero copula ‘BE’ was grammaticalized in the history of Russian, date this process to the 15th–18th centuries. This is a mistake inspired by not properly chosen text samples that do not capture its evolution in the Old Russian period. The zero copula existed already in Early Old Russian, the key is provided by the perfect construction, where the absence of an overt BE-auxiliary signaled the agreement value ‘3rd person’. Andrej A. Zaliznjak (1993, 2008) correctly linked this feature with the grammaticalization of the enclitic forms of the 1st and 2nd person BE-auxiliaries and the lack of standard 3rd person enclitic BE-forms. However, there are two contentious issues in his description: 1) Zaliznjak’s point that all Old Russian dialects lacked overt 3rd person perfect auxiliaries from the very beginning of the written period is confuted by South Old Russian texts from the first half of the 12th century. 2) Zaliznjak postulated complementary distribution of overt clausal subjects and overt 3rd person perfect auxiliaries for hybrid Old Russian texts which combined bookish and colloquial features, but a distribution like this is only traced in some Old Novgorod 12th-century texts. I compare five Old Russian authorial texts from the 12th century, representing three dialects, and prove that weak-stress and stressed 3rd person auxiliaries had a different distribution. I argue that one must distinguish two homonymic constructions with an *l*-participle and present tense forms of the BE-auxiliary. The standard Russian perfect, labeled ‘Perfect I’ in this paper, used weak-stress auxiliaries that had person-and-number agreement and licensed an alternation of zero and overt weak-stress 3rd person BE-forms; this alternation lacked semantic motivation, but optional overt 3rd person Perfect I auxiliaries disappeared in the mid-12th century. The homonymic Perfect II construction used

stressed 3rd person BE-auxiliaries and had only number, but not person agreement. Overt stressed 3rd person BE-auxiliaries expressed existential-locative or verificational semantics, therefore alternation of zero and overt 3rd person auxiliaries in Perfect II was impossible. Corresponding meanings can be expressed in Modern Russian as well, but in Modern Russian, the copular uses of BE are opposed to the so-called full-BE uses, i.e. existential-locative and verificational, while Old Russian could express such meanings both with the full BE-forms and with stressed BE-auxiliaries in the Perfect II construction.

Keywords: Old Russian, clitics, auxiliaries, *pro*-drop, perfect construction, parametric variation.

References

- Adamets, P. (1978). *Obrazovanie predlozhenii iz propozitsii v russkom iazyke*. Prague: Univ. Karlova.
- Apresian, Yu. D. (1996). *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moscow: Nauka.
- Arutiunova, N. D., & Shiriaev, E. N. (1983). *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip*. Moscow: Russkii iazyk.
- Belobrova, O. A. (1974). «Kniga Palomnik» Antoniiia Novgorodskogo (k izucheniiu teksta). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 29, 178–185.
- Borkovskii, V. I., & Kuznetsov, P. S. (1963). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow: Nauka.
- Braun, V. (2008). Poriadok klitikokh u voivodianskim rusinskim. *Shvetlosts*, 3, 315–262.
- Budennaia, E. V. (2018). *Pokhozhe, raznye: o razvitii vneshne skhozhei referentsial'noi modeli v russkom, latyshskom i izhorskom iazykakh. Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov*, 1(2), 11–27.
- Budennaia, E. V. (2020). V poiskakh triggera: knizhnye i neknizhnye teksty kak markery razlichnykh aspektov russkoi referentsial'noi evoliutsii. *Slověne*, 9(2), 210–243.
- Comrie, B. (1976). *Aspect*. Cambridge: CUP.
- Dymarskii, M. Ya. (2018). *A u menia v karmane gvozd'*. Nulevaia sviazka ili ellipsis skazuemogo? *Mir russkogo slova*, 3, 5–12.
- Fedorova, I. V. (2014). «Khozhdenie» igumena Daniila v biblioteke Kirillo-Belozerskogo monastyria (tak nazyvaemye polnye redaktsii pamiatnika). In N. V. Ponyrko, & S. A. Semiachko (Eds.), *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhniki i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyria* (pp. 322–353). St Petersburg: Pushkinskii Dom.
- Franks, S. L., & King, T. C. (2000). *A Handbook of Slavic clitics*. Oxford: OUP.
- Gippius, A. A. (1996). «Russkaia Pravda» i «Voproshanie Kirikovo» po Novgorodskoi Kormchei 1282 g. (K kharakteristike iazykovoi situatsii Drevnego Novgoroda). *Slavianovedenie*, 1, 48–62.
- Gippius, A. A. (2003). Sochineniia Vladimira Monomakha. Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. I. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(6), 60–99.
- Gippius, A. A. (2004). Sochineniia Vladimira Monomakha. Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. II. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(8), 146–171.
- Gippius, A. A. (2006). Sochineniia Vladimira Monomakha. Opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. II. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(12), 186–203.

Gippius, A. A. (2009). Arkhiepiskop Antonii, novgorodskoe letopisanie i kul't Svia-toi Sofii. In A. E. Musin (Ed.), *Khoroshie dni. Pamiati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* (pp. 181–198). Veliky Novgorod; St Petersburg; Moscow: LeopArt.

Gippius, A. A., & Sedov, V. V. (2016). Nakhodki v Georgievskom sobore Iur'eva Monastyria. Novye freski i novye nadpisi. *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN*, 15, 190–208.

Jouravel, A. (2019). *Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar*. Wiesbaden: Reichert Verlag.

Jouravel, A. (2021). On the supposed abridged redaction of Anthony of Novgorod's *Kniga Palomnik. Slověne*, 10(1), 217–229.

Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom iazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2, 42–53.

Khodova, K. I. (1980). *Prostoe predlozhenie v staroslavianskom iazyke*. Moscow: Nauka.

Kolaković, Z., Jurkiewicz-Rohrbacher, E., Hansen, V., Filipović Đurđević, D., & Fritz, N. (2022). *Clitics in the wild: Empirical studies on the microvariation of the pronominal, reflexive and verbal clitics in Bosnian, Croatian and Serbian*. Berlin: Language Science Press.

Korolev, A. S. (2019). K kharakteristike tvorchestva letopistsa novgorodskogo arkhiepiskopa Antoniiia (pervaia chetvert' XIII v.). *Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 1, 11–23.

Kuz'mina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1968). K voprosu ob upotreblenii *est'* v russkikh govorakh. In R. I. Avanesov (Ed.), *Obshchoslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia* (pp. 144–170). Moscow: Nauka.

Lohnstein, H. (2012). Verumfokus — Satzmodus — Wahrheit. In H. Blühdorn, & H. Lohnstein (Eds.), *Wahrheit — Fokus — Negation* (pp. 31–68). Hamburg: Helmut Buske.

Lohnstein, H. (2018). Verum Focus, Sentence Mood and Contrast. In Ch. Dimroth, & S. Sudhoff (Eds.), *The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches* (pp. 55–88). Amsterdam: John Benjamins.

Maisak, T. A., Plungian, V. A., & Semenova, Ks. P. (Eds.). (2016). *Issledovaniia po teorii grammatiki. Perfekt*. St Petersburg: Nauka.

Mikheev, S. M. (2018). Avtografy trekh novgorodtsev XII v.: o nadpisiakh Ugrintsy-Feodora, Domashki Mysliatinicha i Put'ki Tverdiatinicha. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 16, 174–191.

Mikheev, S. M. (2021). Est' li glagolicheskie bukvy v dvukh nadpisiakh iz Bosnii i Gertsegoviny i na kamniakh iz doliny Bregal'nitsy? *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2, 105–115.

Mil'kov, V. V., & Simonov, R. A. (2011). *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'*. Moscow: Krug.

Mrazek, R. (1963). K dativno-infinitivnym konstruktssiam v staroslavianskom iazyke. *Sbornik praci filosofické fakulty Brněnske University* 12, A-11, 107–126.

Nedialkov, V. P. (Ed.). (1983). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii*. Leningrad: Nauka.

Partee, B. H. (1979). *Subject and Object in Modern English*. New York: Garland.

Pen'kova, Ia. A. (2019). Predbudushchee (vtoroe budushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian linguistics*, 43(1), 65–78.

Petrukhin, P. V., & Sichinava, D. V. (2006). Russkii pluskvamperfekt v tipologicheskoi perspektive. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 193–214). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Petrukhin, P. V., & Sichinava, D. V. (2008). Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkslozhnom proshedshem, pluskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstrukttsiakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(15), 224–258.

Porák, J. (1967). *Vývoj infinitivních vět v češtině*. Prague: Universita Karlova.

Seliverstova, O. N. (1982). Vtoroi variant klassifikatsionnoi setki i opisaniye nekotorykh predikatnykh tipov russkogo iazyka. In O. N. Seliverstova (Ed.), *Semanticheskie tipy predikatov* (pp. 86–157). Moscow: Nauka.

Shchapov, Ya. N. (1978). *Vizantiiskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.* Moscow: Nauka.

Sheveleva, M. N. (1993). Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom *byti* i ikh dialektnye sootvetstviya (K voprosu o sootnoshenii tserkovnoslavianskoi normy i dialektnoi sistemy). In B. A. Uspenskii, & M. N. Sheveleva (Eds.), *Issledovaniya po slavianskomu istoricheskomu iazykoznaniiu. Pamiati prof. G. A. Khaburgaeva* (pp. 135–155). Moscow: Izd-vo MGU.

Sheveleva, M. N. (2001). Ob utrate drevnerusskogo perfekta i proiskhozhdenii dialektnykh konstrukttsii so slovom *est'*. In M. L. Remneva (Ed.), *Iazykovaia sistema i ee razvitiye vo vremeni i prostranstve. Sbornik statei k 80-letiiu K. V. Gorshkovo* (pp. 199–216). Moscow: Izd-vo MGU.

Sheveleva, M. N. (2002). Sud'ba form prezensa glagola *byti* po dannym drevnerusskikh pamiatnikov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 5, 55–72.

Sheveleva, M. N. (2006). Neknizhnye konstrukttsii s formami glagola *byti* v pskovskikh letopisiakh. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 215–241). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Sheveleva, M. N. (2007). «Russkii pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i sovremennykh govorakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 214–252.

Sheveleva, M. N. (2008). O sud'be drevnerusskikh konstrukttsii s nezavisimymi formami glagola *byti* v russkom iazyke. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 6, 34–57.

Sheveleva, M. N. (2009). Russkii pluskvamperfekt v pamiatnikakh XV–XVI vv. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 5–43.

Sheveleva, M. N. (2015). O nekotorykh glagol'nykh formakh v «Pouchenii» Vladimira Monomakha i iazyke Kieva na rubezhe XI–XII vv. *Slověne*, 4(1), 564–577.

Sheveleva, M. N. (2019). O drevnerusskikh dialektnykh razlichiiakh v glagol'noi sisteme. In A. F. Zhuravlev, & F. B. Uspenskii (Eds.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Rusistika. Slavistika. Komparativistika. Sbornik k 64-letiiu S. L. Nikolaeva. Ser. «Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie»* (pp. 355–380). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Sichinava, D. V. (2013). *Tipologiya pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt*. Moscow: AST-Press Kniga.

Skachedubova, M. V. (2018). Ob interpretatsii *-l*-formy bez svyazki v pluskvamperfektnykh kontekstakh v Ipat'evskoi i *I*-i Novgorodskoi letopisiakh. *Voprosy jazykoznanii*, 5, 64–76.

Trubinskii, V. I. (1975). K voprosu o tautologii v strukture predikata (na materiale dialektnykh konstrukttsii so slovom *est'*). In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorrusskie govory* (Iss. 2, pp. 148–162). Leningrad: Nauka.

Urmanchieva, A. Yu. (2020). Pluskvamperfekty s aoristom i imperfektom vspomogatel'nogo glagola v Galitskoi, Volynskoi i Suzdal'skoi letopisiakh. In V. V. Kaza-

kovskaia, & M. D. Voeikova (Eds.), *Problemy funktsional'noi grammatiki. Otnoshenie k govoriashchemu v semantike grammaticheskikh kategorii* (pp. 167–190). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Yanin, V. L., Zalizniak, A. A., & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Yanko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Yanko, T. E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, A. A. (1993). K izucheniiu iazyka berestianykh gramot. In V. L. Ianin, & A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 gg.* (pp. 191–319). Moscow: Nauka.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2007). «Slovo o polku Igoreve». *Vzgliad lingvista* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zholobov, O. F. (2016). Zametki o slovoforme e 'est' v drevnerusskoi i staroslavianskoi pis'mennosti. *Slověne, 1*, 114–125.

Zimmerling, A. V. (2002). *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh iazykov*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zimmerling, A. V. (2013). *Sistemy poriadka slov slavianskikh iazykov v tipologicheskoi aspekte*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zimmerling, A. V. (2019). Sviazki pluskvamperfekta v russkom iazyke XIV–XVI vv. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Iazykoznanie, 4*, 41–57.

Zimmerling, A. (2020). Zero forms in morphological paradigms: the verb “BE” in Russian. In V. P. Selegei (Ed.), *Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international conference “Dialogue 2020”* (Iss. 19, pp. 795–810). Moscow: RGGU.

Zimmerling, A. V. (2021). *Ot integral'nogo k aspektivnomu*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Zimmerling, A., & Kosta, P. (2013). Slavic clitics. A typology. *Language Typology and Universals (STUF)*, 66(2), 178–214.

Received on April 27, 2022